

18+

Татьяна Антоновна Муратова

Честью гордые

Пушкин, декабристы и сказочная Сибирь

Татьяна Антоновна Муратова
Честью гордые.
Пушкин, декабристы
и сказочная Сибирь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58858956

ISBN 9785005145901

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Со времён «Золотого века русской поэзии» у каждого поколения в России свой Пушкин. В книге «Честью гордые» автор показывает связь современного мира с его духовными истоками древности через жизнь и творчество А. С. Пушкина, его друзей-декабристов и пушкинистов двух прошедших столетий со дня явления миру поэта, который «победил и время, и пространство». В книге представлены творческие искания автора по пути духа пушкинской эпохи в поездках по пушкинским местам и местам ссылки декабристов.

Содержание

Об авторе	5
От автора	6
Я иду сквозь года, гонясь за миражем	9
1. Не «погасло дневное светило...»	11
2. «Сказка – ложь, да в ней намек...»	19
1. Неизвестный Пушкин	19
2. О загадочной русской душе или почему народ в России заслуживает своих правителей	21
3. Фантазии Байкала	23
4. Архив Пушкина	25
5. Омутевая бочка, мертвая царевна и Шамаханская девица...	28
3. Куда упала стрела Байкала	38
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Честью гордые Пушкин, декабристы и сказочная Сибирь

**Татьяна Антоновна
Муратова**

© Татьяна Антоновна Муратова, 2025

ISBN 978-5-0051-4590-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Инженер-строитель, эколог по собственной инициативе, экономист электросвязи, преподаватель экологии на английском языке, фанатик декабризма и пушкинист, организатор митинга в Северобайкальске за отнесение нефтепровода из водосборной зоны Байкала, активный участник теле проектов «7 чудес России», «Имя Россия. Исторический выбор 2008», «100 чудес Байкала».

Лауреат международного конкурса лиги писателей Евразии «Золотой Диплом имени Александра Сергеевича Пушкина» 2010 год.

От автора

Выражаю сердечную благодарность моему мужу Петру Пантелеймоновичу Муратову за поддержку и помощь в поездках по пушкинским местам, а также по местам ссылки декабристов.

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация

Портрет Александра Сергеевича Пушкина. Худож-

ник В. В. Матэ

Государственный Эрмитаж Санкт-Петербурга

Я иду сквозь года, гонясь за миражем

**Дочери Лидии и молодому поколению
конца 20 века, неимоверной
силой волиобивающим себе дорогу в новое
тысячелетие, посвящаю
Автор**

Отбросив в сторону сомненья,
Вновь на вокзале я толкусь.
Какую станцию спасенья
Ты приготовила мне, Русь?

Вновь обращаюсь я к основам
И зерентуйским рудникам.
Вот ввысь взлетаю я, и снова
Спускаюсь к невским берегам.

Там камень Финского залива
Хранит покой друзей моих.
Над ним склоняюсь я учтиво
И с грустью вспоминаю их.

Потом, оставив камень скорбный,
Я устремляюсь в небеса,

Туда, где Сфинкс, слуга покорный,
Хранит Египта чудеса.

От Сфинкса путь лежит далече.
Бегу по призрачной волне
Найти покой, приют и вечность,
Сгореть на жертвенном огне...
30.01.2003

1. Не «погасло дневное светило...»

Пушкин, декабристы и сказочная Сибирь

1. Пророк в своем отечестве.
2. Северобайкалье и сказки Пушкина.
3. Знак Трех Звезд.
4. Тайна музея Волконских.
5. Казнь декабристов.
6. Двуглавый орел России.
7. Дуб Пушкина.

1. Что такое солнце для планеты? Ответ прост – источник жизни. Кем является Пушкин для России? Ответу словами самого поэта, которые он написал в письме к В. Ф. Вяземской в 1824 году: «Я – пророк в своем отечестве».

Спросите любого россиянина, кого из русских поэтов и писателей он знает, и вы услышите в ответ: «Пушкина». Для европейцев Пушкин остается за пределом досягаемости из-за непереводаемости превосходного русского языка. Автор известнейшего путеводителя по творчеству Пушкина, англичанин Джон Бейли пишет, что «одни только русские говорят, что Пушкин выше Достоевского, Тургенева и Толстого, а европейскому читателю это непонятно».

А в России все начинается с Пушкина. Когда ребенок ед-

ва начинается лепетать, он уже знает и о мертвой царевне, и о золотом петушке. Ученик старательно списывает стихи о любви для своей одноклассницы. Студент достает билет на галерку, чтобы своими глазами увидеть Евгения Онегина. Историк перечитывает «Капитанскую дочку» и пушкинскую историю пугачевского бунта и ищет ответы на свои вопросы. Творчество Пушкина неиссякаемо. Но разве только этим ограничивается влияние поэта на нашу жизнь?

6 июня 1999 года Александру Сергеевичу исполнилось двести лет.

«Двухсотлетие Пушкина – та заветная дверь, через которую нам суждено войти в третье тысячелетие», – считает Николай Доризо.

Все известные советские писатели в один голос подтверждают эту мысль поэта в своих статьях, написанных в 1987 году на день 150-летия со дня гибели Пушкина. В статье «Пророк» В. Непомнящий пишет: «Мир подошел к порогу; возникла экология – уже не внутренняя отрасль биологии, а наука выживания, притом не только биологического, а и духовного, – событие это необычайно значительно: ведь современная экология есть, в сущности, попытка средствами науки осмыслить мир как целостную и ценностную структуру, попытка научно отразить факт существования высших и простых истин, существования Правды как объективной реальности, не подотчетной „точкам зрения“, не зависимой от „позиций“. Но эту задачу уже решили, этот факт уже от-

разили Пушкин и русская классика – вот почему началось у нас более двух десятилетий назад, опережая всякую науку, возрождение классики. Так, может быть, сегодня смутная сердечная потребность во „всей истине“, в высшей правде, жгущей сердца, и впрямь начинает оборачиваться духовной жаждой? Ведь означает же что-то поворот к великой нашей культуре, к традициям „святой“ нашей литературы, к Пушкину с его вселенским масштабом, с его чисто русской и вместе с тем общечеловеческой простой правдой – поворот, совершающийся в эпоху, когда только простая правда и может достойно противостоять вселенской смерти». Без солнца нет жизни на земле, без Пушкина нет жизни в России. И поэтому сегодня мы считаем поэта своим современником, человеком, у которого мы ищем ответы на разрешение современных проблем, подтверждая слова Н. В. Гоголя: «Пушкин – русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». И мы не можем допустить затмения его творчества, пытаемся все глубже проникнуть в тайны поэта, расшифровать, узнать, осмыслить оставленные нам в наследство труды.

2. Экологическая тропа вывела меня на изучение творчества Пушкина. Познакомившись с публикациями таганрогского журнала «Миг» об Архиве Пушкина, я задалась вопросом: «Где находится Сибирский Архив поэта?» Сочинение сказки «Красавица Ангара» в новом экологическом стиле

привело к расшифровкам пушкинских сказок. В результате появилась первая статья «Сказка- ложь, да в ней намек...», где я открыла, что действие «Сказки о мертвой царевне...» и «Сказки о царе Салтане...» связано с Северным Байкалом, Северобайкальском и БАМом. Связав сказки с современными событиями, я нашла прочную связь Пушкина с декабристами, отбывающими ссылку в наших местах, в первую очередь, в Нерчинске, Горном Зерентуе и Баргузине. Так однажды найденная ниточка повела за собой к новым открытиям.

Изучение архива Северобайкальского музея о Пушкине и декабристах, новейших публикаций в Интернете на заданную тему, фотографий Северобайкальской природы и фотографий из музея Волконских в Иркутске помогло мне сделать несколько открытий, которые составляют основу второй работы «Куда упала стрела Байкала?» Обе работы неразрывно связали Пушкина, декабристов и сказочную Сибирь.

В ходе исследования в Северобайкалье открылись информационные энергетические места, прежде всего это Слюдянские озера и побережье Байкала у стелы Северобайкальск, между Мысовыми туннелями.

А началось все с предположения о том, что действие пушкинских сказок разворачивается на берегу Байкала, чему я нашла свои доказательства. Огромную роль при этом сыграло изучение труда Аркадия Захарова «На неведомых дорожках... (Пушкин и сказочная Сибирь)». Работа ученого помогла мне осмыслить свои открытия.

3. Сказки, статьи о Пушкине и декабристах привели к пониманию и видению «блестящей дороги», по которой пойдет Россия. Цифры (тройка, семерка, туз) указали правильность пути. «Новая Страна пойдет навстречу Семи Звездам под знаком Трех Звезд».

Созвездие семи звезд – Большая Медведица. В легендах разных народов Большую Медведицу называют часто колесницей, повозкой или просто семью быками. Большая Медведица – созвездие северных народов, созвездие России.

Знак Трех Звезд – это три водопада, отражение небесных созвездий на Земле. Сегодня я знаю, что это водопад Царевны-Лебеди в Адлере, водопад Лебеди на севере, возможно, это на Кодаре (север Читинской области по БАМу) и водопад Волосы Вероники в Баргузине. Открытие пушкинских Архивов начнется с получения информации с водопадов, при этом откроется сначала водопад в Адлере, затем на Кодаре, и только потом водопад в Баргузине, так как «пара лебедей в золото волос моих ныряют...»

4. Дорога исследования, минуя музеи декабристов в других местах, привела в музей Волконских в Иркутске. Именно этот музей хранит ключи к разгадке Тайны Пушкина. Это рисунок Пушкина о жизни каторжников в Сибири, где я прочитала послание: «Внуку в дар о БАМе доска. Тот год 1850». На рисунке указаны святые места Пушкина. Это и Адлер,

и Байкал, и Петербург. Здесь же зашифрована тайна казни декабристов. На этом же рисунке жены декабристов и сам Пушкин указывают на место казни. Другой рисунок Пушкина дает указания, как найти могилу казненных декабристов на берегу Финского залива. Я думаю, что в музее находится и подлинник Сибирского Архива Пушкина – доска, указанная в послании.

5. Казнь декабристов 13 июля 1826 года в Петербурге происходила по особому сценарию, придуманному или одобренному Николаем I. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены на кронверке Петропавловской крепости. Рылеев и Пестель во время казни через повешенье были заменены солдатами, которые были повешены вместо декабристов. Осужденные же Рылеев и Пестель как зачинщики и самые опасные преступники были вывезены в усадьбу братьев Гоноропуло и там четвертованы. Затем все пятеро казненных декабристов захоронены на скалистом берегу Финского залива на островах Вольный и Гребенка. На острове Гоноропуло похоронены два палача и три солдата-могильщика декабристов. Поэтому правду о казни и могиле знал только один человек – обер-полицмейстер Княжнин. Знал это и Пушкин, так как он – Пророк. Пушкин в своих рисунках дал четкое направление поиска как места казни, так и места захоронения.

6. В ходе исследования я пришла к выводу, что энергетическая сила царя Кашея Бессмертного – Николая I, находится в двуглавом орле герба царской России. Декабристы видели в свержении символа императорской власти открытие дороги новой России. Я уверена, что Пушкин предложил заменить двуглавый орел на герб Москвы, изображающий Георгия – Победоносца как защитника от всяких бед и сделать этот герб государственным гербом России.

7. И завершится все открытием полного Архива Пушкина, который содержит научные труды Пророка. Архив неразрывно связан с дубом Пушкина, который растет на псковской земле предков поэта. Именно там находится основной Архив поэта. В своих записках Пушкин указал это место, надеясь, что потомки смогут умирить его язык, получить бесценный дар, воспользоваться им на благо России. При этом сам поэт из разряда человека обыкновенного перейдет в разряд Пророка, Человека-Бога, каким и останется в грядущих тысячелетиях.

Без всякого сомнения, на этом пути предстоит большая работа. Объединение декабристского движения, создание общей базы данных по декабристам, декабристскому движению и наследию декабристов – это лишь маленькая толика огромной работы по изучению наследия Пушкина и декабристов.

Остается только добавить:

**«О, сколько нам открытий чудных готовит
просвещения дух. И опыт, сын ошибок трудных,
и гений, парадоксов друг. И случай, бог
изобретатель...»**

А. С. Пушкин

Северобайкальск, 20 сентября 2000 года

2. «Сказка – ложь, да в ней намек...»

1.Неизвестный Пушкин

**«Двухсотлетие Пушкина – та
заветная дверь, через которую нам
суждено войти в третье тысячелетие»**

Николай Доризо

Зачем людям нужны выборы? Одним хочется быть избранным и получить власть, другим сделать свой выбор, а потом либо гордиться собой за правильное решение, либо мучиться за неверный выбор, увидев своего кумира в дневном свете и оказавшегося при этом голым королем с портфелем. Мне же выборы понадобились для того, чтобы открыть для себя неизвестного ученого, философа, пророка – поэта Александра Сергеевича Пушкина, чьими стихами, песнями, романсами и сказками были заполнены все дни моей жизни, с детских лет до настоящего времени. Невозможность внедрения в жизнь своих экологических проектов в существующих условиях привела меня к мысли попробовать стать депутатом местного самоуправления, чтобы на новом уровне развивать свою деятельность. «Я родилась „во глубине сибирских руд“, в селе Горный Зерентуй Читинской области,

которое знаменито тюрьмой и рудниками, послужившими каторгой для декабристов» – так появились первые строчки автобиографии для предвыборной агитации. И тут же в голове зазвучала строчка из стихотворения А. С. Пушкина: «Паситесь, мирные народы!». Она не давала покоя, поэтому пришлось отыскать ту книжку, откуда она взялась. Ею оказалась повесть Н. Соломко «Белая лошадь- горе не мое», где воспроизведено все стихотворение. Для меня смысл его заключался в том, что усилия мои будут напрасны, и в выборах можно не участвовать. Но стихотворение задело за живое и немедленно переключало из тайников подсознания на стену в моем рабочем кабинете. Появилось оно там за несколько дней до того, как однажды ко мне пришел один из кандидатов на главу местного самоуправления, Бардеев В. В., чтобы заключить договор на установку телефона для предвыборного штаба Бато Семенова. Кандидат ознакомился с содержанием на моих стенах, пока я занималась оформлением документации, дошел до стихотворения и задал мне вопрос: «А вы верите, что Пушкин действительно является пророком в нашем отечестве? Ведь вы читали публикации на эту тему в таганрогском журнале „Миг“?» Мой отрицательный ответ поразил его не меньше моего изумления по поводу неизвестной мне работы. «А откуда? – спросил Виктор Викторович, показывая на стену, – а, впрочем, это неважно. Я принесу вам журнал». И вот спустя нескольких часов передо мной лежали ксерокопии журнала «Миг», из-

данного в 1993 году в Таганроге. Работа, выбившая меня из колеи будничной жизни, заставившая перечитать множество литературных и публицистических произведений Пушкина и о Пушкине, переосмыслить все накопленные мною знания.

Я оставляю специалистам решать вопрос о достоверности, правильности и значимости опубликованных материалов. Со своей стороны я только попытаюсь рассказать и объяснить произошедшие изменения в моем сознании после усвоения прочитанных публикаций.

2. О загадочной русской душе или почему народ в России заслуживает своих правителей

**«Пушкин даже гибелью своей высказал нам
истину, а мы? Поняли его? Услышали?
Вняли? И не запоздаем ли его понять?»**

Сергей Залыгин

Философская научная теория Пушкина о смысле бытия, его математические модели, которые содержат знания о Космосе, человеке, человечестве, поражают своей простотой. После посещения Швейцарии меня часто мучили вопросы о загадочной русской душе и почему в Европе, где нет рус-

ских православных христианских отношений между людьми в семье и обществе, такие правители. Чем западный народ лучше нашего? Почему мы, такие «умные», даем миру очередной приток квалифицированных кадров во всех сферах деятельности в очередную волну эмиграции, а у себя дома окружены на всех уровнях чиновниками без человеческих достоинств? Почему нами правят правители, которым нет дела ни до Отчизны, ни до многострадального русского (советского) народа? Ответ дает Пушкин. Жизненный цикл народа по Пушкину равен 628 годам. За это время он проживает две цивилизации: общественную и частную – в ритме 314 лет каждая. Эти цивилизации равны между собой и противоположны. До 1998 года в Европе действовала частная цивилизация со сложившимся (зрелым) управлением, частным настроением народа, развитой экономикой. И только просвещение было устремлено к общественной цивилизации. С 1998 года положено начало и общественному настроению народа. В России начало общественной цивилизации приходится на 1920 год. К этому времени все в России становится общественным: и настроение народа со времени революции Пугачева, и просвещение с времен Пушкина и декабристов и экономика с 1920 года. Кроме управления. Последний переход наша общественная цивилизация совершила в 1998 году, после чего Россия вступила в свой золотой век, когда все общественное. И продлится он 78,5 лет. Не упустить бы...

3. Фантазии Байкала

«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем»

Ф. М. Достоевский

Год двухсотлетия Пушкина для меня оказался тесно связанным с теми или иными событиями, посвященными поэту, хотя специально я к этому не стремилась. Розы Фэллер в Женеве долго расспрашивала меня о моем любимом русском поэте и писателе и была поражена моим рассказом о Пушкине. Для них он, так же как и для автора известнейшего путеводителя по творчеству Пушкина англичанина Джона Бейли, остается за пределом досягаемости из-за неперево-димости превосходного русского языка. «Одни только русские говорят, что Пушкин выше Достоевского, Тургенева и Толстого, а европейскому читателю это непонятно» – пишет он. По приезду в Москву мне посчастливилось посмотреть спектакль молодых актеров из «Русского Реалистического Театра», рискнувших поставить главы из романа «Евгений Онегин». Спектакль проходил в Центральном Доме Литераторов на Большой Никитской, где Пушкин проезжал

два раза в день, чтобы увидеть Наталью Гончарову. Вдвойне приятно было увидеть родную племянницу, выросшую в Северобайкальске и окончившую Московский Институт Искусств, в роли Татьяны Лариной. Я не ожидала ничего хорошего от спектакля, так как роман Пушкина – вещь чрезвычайно сложная, и выразить что-то особенное за 2 часа спектакля невозможно. Но ребята справились с задачей довольно на высоком уровне, начиная с режиссуры и заканчивая игрой актеров. А дома меня ожидал еще один сюрприз. На фотографиях, высланных мне Жюльеном Пинье из Женевы для выставки к 25-летию БАМа, оказались две тайны. На одном снимке в левом углу на фоне льдин четко просматривается нерукотворный памятник Пушкину с тропой, протоптанной народом. На другом снимке – фигура дядьки Черномора. На этот раз она сделана природой из ледяных глыб. Объяснить фотографии, снятые моим мужем во время экологической олимпиады в марте 1998 года, я не смогла. Разве что они напоминают рисунки Пушкина на полях его рукописей или работы Нади Рушевой, оставившей в наследство более десяти тысяч рисунков, посвященных пушкинскому времени и унесшей с собой тайну своего таланта, умерши в семнадцать лет.

В январе 2000 года приятной неожиданностью стало для меня выступление команды ДГУ в очередную встречу КВН. Я очень пожалела, что не записала выступление театра о классике и современности. Но как они были правы, выра-

жив то, что классика и мафия бессмертны!

4. Архив Пушкина

«Когда мы думаем о красоте жизни, о судьбах планеты, о высших ценностях цивилизации, мы неизменно обращаемся мыслями также и к бессмертному творчеству Пушкина»

Олесь Гончар

Слава Оскирко, победитель экологический олимпиады, посетивший Женеву летом 1998 года вместе с Леной Трифоновой из Северобайкальска, и Лидочка Лунева, получившая третье место на олимпиаде – теперь студенты из Иркутска, приехали в Северобайкальск на зимние каникулы по приглашению Тани и Васи Бондаренко. Так как мне было очень трудно ответить на их первый вопрос о том, почему экологическое движение, так блестяще начатое нами в 1998 году, не имеет продолжения, я с удовольствием рассказала им о том, какими исследованиями я занимаюсь в настоящий момент. Рассказ настолько заинтересовал ребят, что они попросили написать об этом. Почему нет? Ведь именно они – представители того нового поколения, кому предстоят большие свершения как в жизни каждого, так и в жизни страны. На последний вопрос ребят, почему от экологии я перешла к творчеству Пушкина, ответ я нашла в статье В.

Непомнящего, посвященной памяти Пушкина на 150 лет со дня смерти поэта. Действительно, мой творческий путь, начатый в 1989 году изучением английского, продолженный в 1993 году изучением экологии и завершаемый на данном этапе с 1999 года изучением творчества Пушкина, может показаться странным. Но ничего странного в этом нет. Америка принесла угрозу нашей природе, в первую очередь лесу, с ее технологиями чистой вырубki, в результате которой в США осталось не более 5% древних лесов, но также принесла и противоядие – знания общества об охране окружающей среды. Отсюда сначала английский, потом экология на английском, чтобы глубже понять проблемы и методы их разрешения. А почему Пушкин? Обратимся к статье Непомнящего «Пророк».

«Мир подошел к порогу; возникла экология – уже не внутренняя отрасль биологии, а наука выживания, притом не только биологического, а и духовного, – событие это необычайно значительно: ведь современная экология есть, в сущности, попытка средствами науки осмыслить мир как целостную и ценностную структуру, попытка научно отразить факт существования высших и простых истин, существования Правды как объективной реальности, не подотчетной „точкам зрения“, не зависимой от „позиций“. Но эту задачу уже решили, этот факт уже отразили Пушкин и русская классика – вот почему началось у нас более двух десятилетий назад, опережая всякую науку, возрождение клас-

сики. Так, может быть, сегодня смутная сердечная потребность во „всей истине“, в высшей правде, жгущей сердца, и впрямь начинает оборачиваться духовной жаждой? Ведь означает же что-то поворот к великой нашей культуре, к традициям „святой“ нашей литературы, к Пушкину с его все-ленским масштабом, с его чисто русской и вместе общечеловеческой простой правдой – поворот, совершающийся в эпоху, когда только простая правда и может достойно противостоять вселенской смерти».

Научные работы Пушкина были завершены в 1829 году, и Архив был передан на хранение Д. Е. Кутейникову и завещан городу Таганрогу. По словам хранителей, информация об Архиве была зашифрована Пушкиным в прологе к поэме «Руслан и Людмила». Эту расшифровку дает хранитель Архива И. М. Рыбкин в журнале «Миг». Архив существовал реально, с ним работали многие писатели и ученые, включая Гоголя, Достоевского и многих русских и советских писателей. Видимо, без работы в Архиве писатель Владимир Чивилихин не смог бы написать свой роман-эссе «Память», который так поразил меня много лет назад. Но передача Архива народу, завещанная Пушкиным с 27 января 1979 года по 1998 год, так и не состоялась. Насколько я поняла из публикаций журнала «Миг», подлинники Архива утеряны. «По словам хранителей, первоначально Архив Пушкина представлял собой кожаную папку, в которой находились отдельные свитки. На некоторых из них рукой Пушкина по-

мечены даты обнародования свитков. Это и была основа Архива Пушкина: около двухсот абстрактных математических моделей с их описанием на французском языке. Встречаются слова и на немецком, английском, персидском и некоторых других языках. Еще особенности: ни на одной рукописи нет ни одного автографа. Все рукописи сделаны на бумаге отличного качества с водяными знаками владельца бумажной фабрики. Есть еще одна версия: такую же папку Пушкину удалось „пристроить“ в Сибири. Сибирский Архив никак пока не отозвался» – читаем мы в журнале «Миг».

5. Омулевая бочка, мертвая царевна и Шамаханская девица...

**«Пушкин – русский человек в его развитии,
в каком он, может быть, явится через
двести лет»**

Н. В. Гоголь

Следуя рассказам хранителей Архива, Пушкин завершил свой научный труд, свои философические таблицы, в 1829 году. Начиная с 1830 года, он пишет свои сказки, в которых дублирует Архив. Его Архив предназначен для нас с вами, так как он завещал закончить обнародование работ к 1998 году. Двести лет со дня рождения поэта прошло...

А теперь помечтаем, тем более, что «Лукоморье» в Таган-

роге перекликается с «Подлеморьем» на Байкале. И Байкал на карте не что иное, как лук. Все мы немножко Остапы Бендеры, когда представляем свой край в роли Нью-Васюков. Предположим, что Архив находится где-то в наших местах. Попробуем разгадать намеки поэта.

Я связываю «Сказку о попе и о работнике его Балде» и «Сказку о медведихе» с политикой. Поэтому они мне неинтересны. Но призадумаясь, вы легко узнаете в попе международный валютный фонд, в Балде – Российское правительство, в чертях – многострадальный русский народ или регионы. А сравнивать оброк в сказке с долгами России и не надо – и так все ясно. Если вы хотите со стороны посмотреть на первые заседания Государственной Думы в новом составе, прочитайте «Сказку о медведихе» – там вы найдете все, что пожелаете, все действующие лица.

Поэтому начнем вместе с Пушкиным со «Сказки о царе Салтане». Почему мать и младенца отправили в бочке? Где еще встречается бочка как средство передвижения по воде? Сразу приходит на ум песня Дмитрия Давыдова «Славное море – священный Байкал, славный корабль – омулевая бочка...» А когда была написана эта песня? Судя по словам о Шилке и Нерчинске, песня написана о декабристах. Находим, что на Нерчинских рудниках отбывал ссылку Василий Львович Давыдов, дядя Марии Волконской. Должно быть, Дмитрий Давыдов – родственник Василию Давыдову. Если версия верна, то связь омулевой бочки Байкала и боч-

ки в сказке Пушкина очевидна. В сказке Гвидон переплывает море и высаживается на необитаемом месте, где встречается Лебедь. А в каком месте Байкала это возможно? В издании «Байкал. В вопросах и ответах» Г. И. Галазия находим ответ. «Это возможно осуществить с восточного берега на западный в районе южнее Баргузинского залива. Здесь северо-восточный ветер баргузин дует почти поперек котловины Байкала». Какие легенды перекликаются с этой сказкой? Открываем книгу С. А. Гурулева «Что в имени твоём, Байкал?» и в главе «Мифы, легенды, песни» находим: «Пра-родитель хоринских бурят – Хоридой – был простым охотником... Однажды, бредя по берегу озера, он увидел купающихся женщин, которые, выйдя из воды, оделись, превратились в белых лебедей и улетели. В следующий раз Хоридой спрятался в кустах. Когда лебеди прилетели, сняли свои одежды и, превратившись в прекрасных дев, стали купаться, он выскочил из укрытия и взял одну лебяжью одежду. Девы наконец вышли из воды. Две из них оделись, превратились в лебедей и улетели, а одна осталась. Она сделалась женой Хоридоя и прожила с ним долгое время. У них было одиннадцать сыновей, от которых произошли одиннадцать хоринских родов». Легенды бурят появились ранее пушкинских сказок, и Пушкин вполне мог воспользоваться мифологией места действия. Открывать Архив хранители должны были с 1979 года. В сказке на острове вырос новый город. Северобайкальск как новый город появился на карте

планеты в 1980 году, а в 1979 году туда проложили рельсы. Место, где расположен город, находится на разломе, как бы на острове в космическом видении. Далее в сказке появляется первое чудо – белка. В мультфильме по одноименной сказке она в колесе. Очень сильно та белка походит на железную дорогу, особенно ее колесо. И рельсы, и шпалы налицо. Заработает в полную силу БАМ, будут вам и золотые орешки, и скорлупки, и ядра: и золото, и полиметаллы, и асбест, и даже алмазы Якутии – все богатство края присутствует. Второе чудо – тридцать три богатыря и с ними дядька-Черномор. Дядьку-Черномора мы получили на фотографии, вышедшего из недр Байкала и слепленного из снега и льда. Он действительно вышел из ясных вод Байкала. Можно взять расшифровку Архива и согласиться, что тридцать три богатыря – это тридцать три революции, но тогда это предположение выпадет из нашего повествования. А может быть, тридцать три богатыря – это либо тридцать три свитка Архива Пушкина, и здесь мне хочется потрогать руками черный предмет на фотографии, где Байкал вырвал огромный камень из недр земли и образовал ледяную пещеру. При этом на переднем плане игрой света вырисовывается человек. Кто он? Петр Первый или Михаил Ломоносов? Либо это тридцать три экспедиции по Байкалу, связанные с охраной озера, начало которым положено экспертизой-90, которая вышла из стен Северобайкальска по инициативе комсомольцев и молодежи? Но последняя версия мне нравится больше

всех. Если богатырь — это знания огромной силы, то вполне тридцать три богатыря — это авторы, или, вернее статьи авторов. Ко мне пришли тридцать три богатыря в книге «Пушкинист» издательства «Современник» 1989 года, Москва. Ровно тридцать три статьи на день памяти Пушкина к 150-летию со дня смерти. Дядька — Черномор — это статья «Пророк в своем отечестве» журнала «Миг» издательства Таганрога 1993 года. И последнее чудо — царевна-Лебедь. Это новая Россия, великая Россия, которая «выступает, будто пава; а как речь-то говорит, словно реченька журчит...» В сказке гости направляются «мимо острова Буяна в царство славного Салтана». Чтобы попасть в Республику Бурятию из Северобайкальска, надо плыть мимо острова Ольхона. И именно мимо острова Ольхона была проложена водная трасса для перевозки грузов для строительства БАМа, другого пути просто нет. Главный порт при перевозке грузов по Байкалу находится в Турке. После разгрузки материалов для БАМа в Нижнеангарске баржи также пересекали Байкал по направлению Баргузина — на восток от Ольхона, там, где шел путь первопроходцев освоения Сибири. И ни для кого сегодня не секрет, что БАМ не любят в последнее время, со времен Горбачева, и признать будущее за этой железной дорогой никто не спешит, также, как Салтан никак не хотел признать Гвидона.

«Сказка о рыбаке и рыбке» еще проще. Народ закинул сеть и вытащил золотую рыбку — демократию. На волне де-

мократии выбрал себе власть. В сказке власть отождествляется со старухой. Но мало старухе нового корыта, захотела она новый дом. Народ дал власти дом. Дальше – больше. Есть у власти и квартиры, и заводы, и самолеты, и деньги, и много – много разных льгот. Но ей все мало. Ей еще больше добра хочется. Вот и эксплуатирует она народ час за часом все больше и больше, создает все больше структур и обрабатывает стражей. Но получила в сказке старуха разбитое корыто от золотой рыбки. А народ устами младенца продолжил сказку в анекдоте: дурак старик, лучше бы попросил у золотой рыбки новую старуху... Проси народ, у демократии новую власть, да смотри, не ошибись в выборе.

Но самой любимой моей сказкой с детства была «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Всех интересней ее было разгадывать. И вот вариант современных событий. Царица – Россия девятнадцатого века, времен Пушкина. Она была «горда, ломлива, своенравна и ревнива». Высшее общество считало себя венцом природы, самолюбилось и гордилось собою. Как та царица в сказке смотрелась в зеркальце. Но Пушкин знал, что растет другая Россия, которая будет лучше, краше, достойнее России 19 века. Он пытался сказать об этом, но принять его научные труды общество не могло. Оно убило Пушкина, который послал свой труд в Сибирь к декабристам. Царевна, Россия будущего, осталась «в лесу без всякой славы у семи богатырей». Царевна была жива, пока Россия развивалась более-менее в со-

ответствии с законами Пушкина. Но вот кинули ей «наливное яблочко», чуждую России антинародную программу капитализации России «500 дней», и умерла царевна. Именно в это время началось гонение на БАМ. Вместо того, чтобы признать за этой стройкой будущее России, а саму стройку – кузницей кадров, так как со всех уголков Союза приехали туда лучшие люди советской страны, уже зараженной вирусом наживы, взяточничества, разврата и криминала, представители, которых Ленин называл «ум, честь и совесть нашей эпохи». Где они теперь? «Далече бедствуют иные, и в мире нет уже других...». Одни уехали, мыкая горе в одиночку во всех уголках бывшей великой страны, с клеймом бамовца, чужеродного элемента. Других нет. Полны наши бамовские кладбища такими, как Александр Георгиевич Попов, с первым десантом прибывший в Северобайкальск из Ленинграда, а в 1988 году на разглагольствования упитанного представителя московской элиты, прибывшего на БАМ с поездом «Комсомольской Правды», почуявшего радость по поводу предстоящей наживы, о том, что БАМ —это дорога в никуда и мы оставим после себя пустые города, с болью в душе предложил: «Раз стране не нужна Сибирь, отрежьте ее по Уралу и продайте Японии». В 44 года умер он от инфаркта, не выдержав проигрыш на первых выборах. Светлая им память. Мы оставим после себя города, а тот представитель Госплана оставляет страну в том состоянии, в каком она находится сейчас.

Семь богатырей – это семь родов декабристов, первых сосланных на каторгу. Вот воспоминания княгини Марии Волконской (Раевской), «утаенной любви Пушкина», которая, возможно и привезла Архив Пушкина в Сибирь. «На другой день по приезде в Благодатск я встала с рассветом и пошла по деревне, спрашивая о месте, где работает муж. Я увидела дверь, ведущую как бы в подвал для спуска под землю, и рядом с нею вооруженного сторожа... Я потушила факел и пустилась бежать вперед, так как видела в отдалении блестящие точки: это были они, работающие на небольшом возвышении. Они опустили мне лестницу, я влезла по ней, ее втащили, и, таким образом, я могла повидать товарищей моего мужа, сообщить им известия из России и передать привезенные мною письма. Мужа тут не было, не было ни Оболенского, ни Якубовича, ни Трубецкого; я увидела Давыдова, обоих Борисовых и Артамона Муравьева. Они были в числе первых восьми, высланных из России, и единственных, попавших в Нерчинские заводы». Дважды в записках перечисляет Мария Волконская фамилии нерчинских каторжан. При чем второй раз даже тех, кого в момент встречи не видела. Она встречалась с Пушкиным перед отъездом в Сибирь, но официально послание к декабристам Пушкин передал Александрине Муравьевой. Послание, а Архив?

Таким образом, у нас есть семь фамилий, семь родов, которые могут быть хранителями Архива Пушкина в Сибири. Магическая цифра семь может обозначать и еще одно:

седьмое поколение отделяет наше время от времени Пушкина. Именно тем потомкам родов семи родов декабристов, кому сейчас 20—25 лет, суждено открыть Великую Тайну Пушкина. Погадаем на картах. Тройка, семерка, туз – смысл магических цифр расшифрован в Архиве. В сказках открыты тройка – «три девицы под окном», семерка – «семь богатырей», туза нет. Но если предположение об основе сказки на использовании бурятского эпоса верно, то одиннадцать сыновей царевны – Лебеди открывают последнюю карту – туз.

Но продолжим сказку. Весть о возможных обысках и потере Архива заставила декабристов спрятать Архив в пещере. Мертвая царевна «не досталась никому, только гробу одному». Но есть еще королевич Елисей, кто он? Пушкин учит, что если Россия женского рода, то Европа – мужского. Королевич Елисей – это Европа. Ей нужна Россия для дальнейшего совместного развития. Открытие Архива каким-то путем будет связано с интересом Европы к нашей стране. Проснется Россия, «вспрянет ото сна» и придет в мир вместе с Европой...

А я уже нашла свою мертвую царевну – это гора за Слюдянскими озерами, которую я сфотографировала летом 1999 года в предвечерние сумерки. Гора напоминает мне фигуру спящей женщины...

И закончим свои гадания с последней сказкой Пушкина «Сказка о золотом петушке». Жила наша страна после

войны без особых хлопот и проблем, царствовали правители «лежа на боку», потому что создал народ – мудрец такую систему безопасности, что никакие соседи не могли напасть, все боялись, да и все конфликты гасились немедленно. Но пришло время, появилась угроза государству. Предупредила служба безопасности о грядущей беде, послал правитель разведать, в чем дело. Но посланники не вернулись, захватила их неведомая сила. Тогда он сам поехал на Кавказ в зону конфликта и увидел ее, Шамаханскую девицу – американскую валюту. Сдался правитель на милость иностранной царице и привез ее в Москву. Тогда народ послал своего мудреца, чтобы вернул царь долг народу, отдал ему виновницу бед – Шамаханскую девицу, но разозлился правитель и убил посланника. А служба, созданная мудрецом, слетела с насиженного места и сбросила правителя. Осталось только Шамаханской девице – Америке исчезнуть, удалиться с русских просторов, сверкнув на прощание своими зелеными глазами – долларами.

Конечно, все это – сказки. Но «сказка-ложь, да в ней намек, добру молодцу урок» – учит нас А. С. Пушкин.

Поверим П. Чаадаеву, проводившему с Пушкиным долгие беседы и споры на философские и научные темы: «Может быть, преувеличением было бы опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина». Может быть, стоит всенародно при-

знать в Пушкине пророка, сам он сказал об этом не только в стихотворениях «Памятник» и «Пророк», но и в черновом письме В. Ф. Вяземской еще в 1824 году, предвидя не только судьбу мира и страны, но и свою собственную: «Что касается соседей, то мне лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя; больше они мне не докучают – я слышу среди них Онегиным, – и вот, я – пророк в своем отечестве. Да будет так». А затем еще раз утверждает в письме П. А. Плетневу в декабре 1825 года: «Душа! Я пророк, ей-богу пророк!»

3. Куда упала стрела Байкала

Светлой памяти декабристов посвящается

**«О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!»**

А. С. Пушкин

1. Начало начал

«Пустил стрелу третий брат – Иван-царевич, и упала стрела посередине болота к ногам лягушки...»

«Папка, а за что ему такое горе, ведь он лучше всех!?»

На мой вопрос отец степенно отвечает: «Не спеши, дочка. Какое горе оборачивается радостью, какая радость – горем, одному Богу известно. Послушай сказку»...

Я тихонечко открываю дверь в дом, откуда зазывно распространяется запах новоиспеченных блинов. Никто меня не видит. На столе соленые огурцы, квашеная капуста, хлеб и начатая бутылка водки. Отец разливает водку себе, своей сестре и ее мужу. Старшие мои сестры и братья за столом со стаканами молока в ожидании блинов. Мама у плиты. Рыжий кот Костя лениво отмахивается хвостом от жужжащей над ним мухи.

«Фу-фу-фу, русским духом пахнет!» – громко произношу я. Сначала все в оцепенении молчат, затем разом заходятся в неудержимом хохоте. Столь уместная фраза из уст девятилетнего ребенка доводит их до иступления. А я испуганно бросаюсь к маме и громко плачу, так и не осознав точность своего определения.

Спустя месяц мы с братом несем полный бидон молока с фермы в селе Бирюльки, куда волей судьбы занесло на практику нашу старшую сестру. Она, с обязанностями старшей сестры, забрала всю ораву из пяти сестер и братьев, только за исключением одного – солдата, в деревню. Старших – заработать, младших – подкормить деревенскими хар-

чами. На нашу беду из кустов вылез большой черный кот и важно попытался пересечь наш путь. С трудом волоча тяжелую ношу, мы отчаянно старались пресечь попытку кота. Огромные зеленые лопухи, куда мы свернули в своем желании обмануть кота, скрывали коварные заросли крапивы, от которых нам порядком досталось. Но кот оказался хитрее нас и сумел-таки перебежать нам дорогу!

Тишину и смятение нашли мы в доме, когда вернулись восвояси с покрасневшими от ожогов крапивы руками и ногами, с полупустым бидоном, молоко из которого разлили в борьбе с черным котом. Никто не стал ругать нас.

На столе лежала телеграмма: «Приезжайте хоронить отца».

И вот прошел год без отца. Год нищеты, когда хлеб купить не на что и занять негде, всем уже должны. Год пятерок в школе и год прочитанных романов в библиотеке, проглоченных томов Льва Толстого, Александра Пушкина, Стефана Цвейга, Оноре де Бальзака, Ги де Мопассана и многих, многих других...

Пыльная дорога, пересадка в маленький ПАЗ в Качуге, путь в Бирюльки. Мама стремится оградить меня, маленькую замухрышку, от бойких крестьян, едущих с ярмарки в деревню. Она ставит меня позади водителя, пристраивает рядом чемодан и кладет рюкзак. «Моя девочка вам не мешает?» – спрашивает она шофера. Угрюмый дядька что-то бормочет ей в ответ. Последний отрезок пути до деревни

дается нелегко. Духота, говор пьяненьких селян, запах бензина заставляют меня наклониться к открытому окну водителя. В это время происходит что-то непонятное. Дверь распахивается, и я лечу под колеса автобуса, но каким-то чудом успеваю увернуться и упасть посередине дороги. Следом за мной летят чемодан и рюкзак. Автобус по инерции проезжает метров 30—40 и останавливается. Страх остаться одной на пыльной дороге срывает меня с места, и я ковыляю в сторону удаляющегося автобуса. Мама выпрыгивает на дорогу, бежит ко мне. Она видит, что я жива, и ее причитания утихают. Она хватает меня на руки и несет к автобусу. Потом вдруг ее взгляд натывается на рваную рану на моем бедре, и она падает в обморок. Но уже какие-то люди перехватывают меня с рук на руки, и я уже в автобусе. Сразу находится место и маме и мне. Так мы въезжаем в Бирюльки.

Я не помню деревню в целом. Помню, как лечили меня отвратительно пахнущей мазью Вишневского, наливая ее на большие листы подорожника. Как мама отпускала меня гулять с двумя девочками-погодками. Одна из них перешла в девятый класс, другая – в десятый. Они гордо вели меня за руки по деревне за околицу, где буйствовала пшеница на полях. На мне было надето городского фасона платье и соломенная шляпа. Там, за деревней, девочки просили меня что-нибудь рассказать или спеть. Я читала им наизусть Есенина, Пушкина, Лермонтова, Блока. Рассказывала полные романы Алексея Толстого, Джека Лондона, Вальтера Скотта.

Особое место занимали легенды и сказки. «Сказание о Раме» – моя любимая легенда захватывала их целиком и полностью. Когда они уставали слушать, заводила песни. Пела про рожь, про красноармейцев вдаль за рекой, про Россию и несколько вариантов «Катюши». Мой голосок, слабенький и тоненький, змейкой уплывал в безбрежные волны золотой пшеницы. Они никогда не перебивали меня, хоть и были старше чуть не в два раза. Со мной, десятилетней, они проходили свои университеты. Иногда ко мне приходила соседская девочка, моя ровесница. Мы убегали к ее деду на другой конец деревни. Он позволял нам собирать в огороде малину, затем заливал ее пахучим медом, выносил из избы краюху белого деревенского хлеба и наблюдал, как мы поглощали его угощение. Весь он светился добром и теплотой, стоя в сторонке и посматривая на нас.

Деревня Бирюльки, Качугский район. Начало начал... Стрела готова.

2. Тетива натянута

Кто и зачем решил построить целлюлозно-бумажный комбинат на берегу Байкала? Кто придумал этого монстра на погибель природы? Князь тьмы затеял погубить источник космической энергии планеты, зло пошутив над людьми и определив место для строительства завода на самом красивом побережье Байкала, в его южных субтропиках. Я помню этот

чудесный уголок природы до начала строительства.

По осени, едва морозец прихватывал листья, расцветала тайга яркими красками рябинолистника, для которого собрала природа всю гамму оттенков: от ядовито-зеленого до розово-фиолетового, цвета все необыкновенные, в повседневной жизни редко встречаемые. Поутру, когда солнце едва высвечивало небесную синь байкальских вод, мы отправлялись вдоль берега до распадка собирать рябину, которую принимали в Култуке на базе лесничества. Тоненькие ветви рябин сгибались от тяжести оранжевых гроздей чуть ли не до самой земли. Чтобы добраться до верхних кустов, старшие поднимали меня до вершины, где я цеплялась за ствол и висела в качестве груза. Весу во мне было немного, чтобы повредить дерево. Мое сердечко замирало от восторга в тот момент, когда руки брата отпускали меня, и я летела по воздуху среди оранжево-красных букетов рябины. На обратном пути к дому я успевала нарвать букет отцветающей полевой ромашки, поляны которой встречались нам на каждом шагу.

Как только начиналась зима, немедленно падал снег. Он сыпался и сыпался, окутывая землю пуховым полотном, монотонно и долго, день за днем, убаюкивая землю и усыпляя природу. И вот уже уснула природа, замер Байкал, как ни пытался он освободиться из плена ледовых оков, околдовала его зима. Сугробы снега, отсутствие ветра и дневная температура не ниже минус пяти градусов – извечные подарки байкальской зимы ребятишкам. Шумом, смехом, говором

и беспечностью местных ребятишек заполнялись лыжные трассы, хоккейные коробки, ледяные катки и горки в Байкальске. И нищета — не помеха. Десять копеек — и ты владелец пары лыж или коньков на целый час несказанного счастья общения с зимней природой. И ты сливаешься с ней без остатка, смеясь и крича, летишь с горки, на вершине которой стоит одноклассник и провожает тебя восторженным взглядом. Вот ты ползешь по снегу между деревьями, представляя себя то героем Джека Лондона, то Алексеем Маресьевым, или маленькой девочкой, потерявшей волшебное колечко в сугробе.

А когда голубели тени, ежились сугробы, и веяло весной, приходила пора иная. Веселели воробьи и синицы, прилетали под окна красногрудые снегири проститься до будущей зимы, трещал лед на Байкале, от оттепели к оттепели образуя огромные ледяные дворцы, пещеры и памятники нерукотворные, которые поражали своей красотой и величием. Прозрачный лед отражал сотни иных миров переливами теней и света. Приходило дружное тепло, и земля снимала с себя зимнюю одежду, почерневшую и грязную. Байкал снисходительно собирал потоки воды, стремящиеся вниз со всей окрестности.

И вот вновь прогревался воздух, от земли шел пар, удаляясь в сторону озера, зеленела вода, отражая зелень леса, наступало лето. И горы уже полны черемши, а болота — морошки. Скучать некогда. А потом пошла вереница: черни-

ка, голубика, малина, смородина, брусника, клюква. Природа щедро делилась с человеком своими богатствами, порой облегчая его труд до минимума, образуя уголки природы, где все это росло на одном месте, названном Золотым Болотом. Наевшись до одури разных ягод, мы с сестрой лежали посреди Золотого Болота на сухом островке и мечтали, что когда-нибудь уедем в Париж смотреть Эйфелеву башню.

Росла я, рос город, строился завод. Сначала исчезла рябина, ее вырубili. Затем исчезли ромашки, на полянах построили дома. Улетели снегири. Перестала расти картошка на отравленной земле. Воздух пропитался сероводородным запахом. Рыба ушла от берегов. Выросло кладбище.

И только Байкал до сих пор снисходительно принимает потоки грязной, отравленной воды по весне вместе с таявшим снегом. Пока принимает...

В моих воспоминаниях Байкальск связан со школой, вечными заседаниями комсомольских комитетов, советов школы, аттестационной комиссии, штабов по проведению школьных вечеров и конкурсов. Все это занимало большую часть моего свободного времени, остававшегося после занятий, выполнения домашних заданий, домашней работы, секций по баскетболу, легкой атлетике, посещения катка зимой и ежедневного глотания одной из сотен книг. У меня никогда не было друзей в школе. На вечерах я всегда сидела в одиночестве и страдала от собственной неполноценности. Ни один парень не рисковал пригласить меня на танец. Вечера были

для меня пыткой, где я чувствовала себя уродливой дурнушкой. Решение поступать на строительный факультет пришло откуда-то извне. Из-за бедности моей семьи и неграмотности матери золотой медали мне так и не вручили, документы осели где-то в недрах бюрократов, хлопотать за меня было некому. В школе не осталось никакого следа от моего пребывания, хотя я проучилась там все десять лет почти без четверок, история стерла мое имя из альбомов в школьном музее.

Не считая пяти студенческих лет, проведенных в Иркутске, семнадцать лет прожито в Байкальске. Детство, школа, замужество, работа после института, рождение детей – далеко не полный список событий в Байкальске. Случайное знакомство с будущим мужем в Иркутске было, как я теперь понимаю, предопределено. Болезни начались с рождения детей. Вдруг оказалось, что у нас с мужем разный резус-фактор крови. Этому я обязана за долгие больничные недели сохранения детей. Болезни следовали одна за другой, как привязанные ко мне. Порой приходилось лечиться у пяти-шести врачей сразу, которые так и не находили никакого заболевания, хотя от заболеваний некуда было деться. Сначала гнойная ангина, затем гайморит, затем воспаление тройничного нерва. На работу выписывали даже тогда, когда срок беременности дочерью был в пять месяцев, мой вес составлял сорок восемь килограммов, гайморовы пазухи забиты гноем, а гемоглобин в крови было всего полнормы. И не смотря на адские боли, невыносимую слабость, об-

речение на смерть, дочь родилась вовремя и здоровой. Это было чудом, так до конца не понятым мной. Но оторвать от детей, выжить со света, стремились изо всех сил. Болезни продолжались. Неразвивающаяся беременность, отравление, дизентерия, болезнь Боткина – преследовали меня по пятам. В итоге после желудочного кровотечения была определена аномалия желудка и двенадцатиперстной кишки. Болезни доводили до иступления, приходилось терпеть, терпеть, терпеть. Вся моя сознательная жизнь в замужестве была посвящена борьбе за выживание. Единственное, что не давало повода сдаваться, были мой муж и дети.

Зачем мне даны от природы силы, трудоспособность, жизнь? Этот вопрос все чаще приходил на ум.

Переезд в Северобайкальск дал небольшую передышку в болезнях. Но пошла полоса неудач на работе. Приходилось менять место за местом, но склоки, интриги, зависть и злоба немедленно срывали меня со следующего места работы в никуда. Затем снова болезни, потеря крови, больница. Стали приходиться сны. В больнице произошла встреча с девушкой, которая объяснила мне сущность этих снов и рассказала о своем сне. Перед укусом энцефалитным клещом она видела сон, будто сидит она в парке на скамье, и из-под ног выползает большая зеленая гусеница. Когда она заболела после укуса и лежала в клинике, отец пришел проведать ее. Она спустилась в парк и села на скамью. И вдруг увидела большую зеленую гусеницу под ногами. Картина навела

на мысль о предопределенности жизни. «Пусть так, – думала я, но зачем-то я осталась жить, когда упала под колеса автобуса, когда почти получила заражение крови, когда невыносимая боль от воспаления тройничного нерва не давала мне покоя многими сутками. Значит, есть какой-то смысл в моей жизни. Что-то я должна еще сделать. Но что?» Жизнь продолжалась. Из Сочи приехала Альбина, чтобы поддерживать меня в трудные минуты, сохранить оптимизм и веру в будущее. Ее случайный выбор места жительства, куда она попала пальцем на карте с закрытыми глазами, куда прилетела самолетом из Улан-Удэ в то время, когда они месяцами не летали из-за пожаров, где в один день она нашла работу и улетела вечером обратно, похож на сказку. Но зеленый свет сопровождал ей все время, когда ее дорога вела к моему дому. Наши пути пересеклись, чтобы уже никогда не расходиться, несмотря на разделяющие нас расстояния.

Перестройка пришла неожиданно. Она взбудоражила, принесла кучу нового в нашу повседневную запланированную жизнь. Наши дети учились на наших спорах, размышлениях, разговорах о бригадном подряде, новом подходе к жизни, блестящем будущем. Мы воспрянули духом. Захотелось творить. Моя бурная жизнь выплеснулась на страницы местной газеты статьями о настоящем и полезном деле – смене системы управления. Горбачев, сам того не ведая, вел страну по дороге, предсказанной Пушкиным. И путь этот был верен и рассчитан с точностью до месячных планов.

Остались доклады, программы, разработки институтов, труды А. Д. Сахарова доказательством правильности выбора. Все было в порядке, пока не кинули зеленое яблочко – прекрасный капитализм в общественную почву России. Тот, кто повернул сознание народа на частную собственность, многого добился для себя. Еще предстоит узнать о крупномасштабных операциях по сбыту высококачественной российской продукции за рубеж. В течении одного-двух лет были вывезены все запасы России. Сделав на этом первоначальный капитал, великие умы стали богаче любых королей и магнатов. Но жажда приобретения толкала на новые дела. Отставлена аренда, слишком долго придется ждать имущества. Надо урвать быстро. Приватизация, метко названная народом «прихватизацией», прошла как по маслу. Заполучив желанные доллары, необходимо было выйти в мир, чтобы скупить и его. За чем дело стало? Международный валютный фонд к вашим услугам. Нужно создать такую систему, чтобы никто ничего не понял. Пожалуйста. Налоговая политика, фонды и льготы, свободные зоны и так далее. Простор деятельности для предприимчивых и наглых. А народ? Плевать на народ. Кто выживет, тот пусть живет. Кто помешает – уберем. Все вам пожалуйста: свобода слова для внедрения секса, проституции, наркотиков, криминала. Чтобы не было умных – обучение платное. Чтобы не было здоровых – медицина платная. Чтобы не возникали – экстрасенсы и черная магия. И пошел гулять князь тьмы по городам и весям необъ-

ятной России. Дошло до того, что все жители страны добровольно сели в тюрьму, огородив себя в квартирах решетками с первого по шестнадцатый этаж. Разорвали матушку-землю нашу русскую на кусочки, унизили советский народ до совков, которые годятся только под мусор. Об одном забыли эти мелкие людишки, набивая свои карманы, что князь тьмы изначально был светлым. И его терпению может прийти конец. Ведь не зря Михаил Врубель писал своего Демона тоскующим и думающим. Не может быть тьмы без света, как и света без тьмы. И не понять им, несчастным, почему вдруг вопреки всем раскладкам к власти приходят те люди, которым они уготовали смерть, забвение и изгнание. Почему светятся они сильнее солнца, и светом тем озаряется пространство не только в России, но и на всей планете. И несут они чистоту своих помыслов в мир, сгорая на костре инквизиции, как сгорела Жанна д'Арк из-за любви к своему отечеству, оставшись жить на века в памяти народной.

Перестройка открыла мир. Смутное желание знать английский язык, способности к его изучению привели меня на первое собрание энтузиастов, мечтавших создать в Северобайкальске клуб иностранных языков. Надо быть ненормальным, чтобы четыре раза в неделю после работы, оставив домашние дела и детей, мчаться на курсы и зубрить английский в любую выдавшуюся свободную минутку. Но большое начинается с малого. Взлеты и падения, сотрудничество и предательства, сочувствие и злоба, поддержка и рав-

нодушие, все переплелось в человеческих взаимоотношениях на этом большом пути. Дорога вывела на организацию детских олимпиад. Сначала просто по английскому языку, затем по экологии на английском языке среди школ Байкальского региона. Проведя значимое мероприятие и получив в награду интриги, склоки и грязь, я потеряла путеводную нить. Но швейцарец Жульен Пинье из вручил фотоаппарат и направил по пути изучения своего края. Желание участвовать в экологическом движении Северобайкалья привело меня в выборную кампанию депутатов местного самоуправления. Ноосферные игры будущего заставили задуматься.

Две точки для крепления тетивы были определены.

Байкальск и Северобайкальск. Тетива натянута.

3. «Я к вам пишу...»

Сквозь сон я слышу звонок телефона. В комнате появляется мой сын, он несет мне телефон. Беру трубку и слышу шум и треск. «Антоновна, Антоновна,» – еле-еле сквозь расстояние пробиваются слова. «Да, я Антоновна, – отвечаю я и робко спрашиваю, – может быть, вам нужна не я, а моя сестра? Вы скажите все, что хотите, я ей передам.» Шум прекращается, связь обрывается. Я кладу трубку и вдруг вижу, что телефон уже не красный, домашний, а черный, рабочий с автоответчиком. Включается громкоговорящая связь, и я становлюсь свидетелем разговора двух незнакомых мне лю-

дей, мужчины и женщины. Она заливисто смеется и спрашивает: «Ты сказал ей? Ты ей все сказал?» – " Что я могу ей сказать? – отвечает степенно мужчина и добавляет, – Ну хорошо. Первый город Тобольск». Я просыпаюсь.

Итак, дорогой Александр Сергеевич, я прошу выслушать меня.

Это звучит также неправдоподобно, как и то, что суеверный в наши дни значит верящий в необычные явления, а в ваши дни это было как раз наоборот, об этом написано в учебнике по спиритизму. Я расшифровала ваши сказки, любезный, а подсказка мне во сне по телефону в вашем разговоре, как я понимаю с Марией Волконской, завел меня в непроходимые Сибирские дебри и попутно в помойную яму Интернета. Я думаю, вы правы, избрав эту формулировку, чтобы до меня дошло быстрее. Тобольск действительно первый город. Первый город не только для первопроходцев освоения Сибири, но и первый город в книжке, где я нашла наконец царевну-Лебедь! Она оказалась ни чухонкой Боратынского, ни татаркой, она – бурятка! Ай да Пушкин! Спасибо за подсказку. А смех Марии так завлекателен, она смеется так, как звенит колокольчик. Боже, но как вы заставили меня трудиться! Я не говорю о труде физическом, я говорю о работе мозга. Мне казалось, что никогда не смогу я осилить ТАКУЮ информацию! Теперь все понятно, все более-менее раскладывается по полочкам в моей голове. Странно, что я в состоянии переработать все эти сказки. Честно сказать, я

вам не завидую. Получить знания в тринадцать лет, чтобы они потом грузом висели на загривке! Увольте, слава Богу, судьба спасла меня от этого. А ваши тринадцать лет мало кем замечены. И уж совсем как можно было не заметить, что на шестнадцатом году появилось эпическое стихотворение «Городок», когда после двух лет развлечений вам пришлось засесть за работу, чем, сказать по правде, вы были очень довольны.

«Но слава, слава богу!
На ровную дорогу
Я выехал теперь;
Уж вытолкал за дверь
Заботы и печали,
Которые играли,
Стыжусь, столь долго мной,
И в тишине святой
Философом ленивым,
От шума вдалеке,
Живу я в городке,
Безвестностью счастливым.» (1)

Но не стихами была забита ваша голова. И стихи, и проза составляли столь малую толику ваших дум, что вы рискнули вставить слова, столь непонятные читателям:

«Мир вечный и забвенье
И прозе и стихам!

Но ими огражденну
(Ты должен это знать)
Я спрятал потаенну
Сафьянову тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненье...
Нетрудно отгадать;
Так, это сочиненья,
Презревшие печать.» (1)

А уж некоторым из нас, бросившимся на добычу денег
любым путем, совсем непонятно, как можно написать такие
строки, а тем более так жить:

«Смотрю с улыбкой сожаленья
На пышность бедных богачей
И, счастливый самим собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволен скромною судьбою...» (2)

При этом ненавязчиво напоминая читателям о важности
философических трудов, которые стоят выше музыки:

«Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит,
И- помнится – зовется славой, —
Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...» (2)

Впрочем, для меня уже давно ясен смысл намеков, с того самого дня, когда философические таблицы открылись со страниц журнала «Миг», по материалам Архива Кутейниковых. (3)

С одной стороны, хочется жить, как все. С другой стороны, тяжесть славы давит, чаще надоевшая до мозга костей. Но есть еще и третья сторона, закрытая от всех, самая важная для себя: Великая Тайна Бытия. Великая Тайна Бытия, где нет ни поэзии, ни прозы, ни врагов, ни друзей, ни завтра, ни вчера. И надо суметь остаться живым Пушкиным и донести миссию до потомков, при этом воспеть русский язык и заставить поверить, что главное – это поэзия жизни, любовь. Чтобы потомки не сидели с логарифмической линейкой или калькулятором и не высчитывали, где, что и как за-

шифровано. Чтобы пели песни детям, читали сказки внукам, признавались в любви ровесникам вашими стихами и помнили обыкновенного человека, как помнят родственников. Да, задачу вы задали потомкам, сложнее, пожалуй, не придумаешь. А письмо Левушке бесподобно. Прошло всего лишь 178 лет с того дня, когда оно написано, а лучше написать своему младшему брату невозможно. Сегодня я попросила бы разрешения напечатать его большим тиражом и сделать настольной брошюрой для молодежи. В письме есть все, в чем нуждается сегодня молодое поколение. «...Никогда не принимай одолжений. Одолжение чаще всего – предательство. – Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает... Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения...» (4)

Я хотела бы оставить молодежи часть своей души, именно поэтому с головой ушла в экологическую просветительскую работу. Мне казалось, что нет ничего полезнее, чем показать молодым дорогу к спасению. Легко давать советы, но идти по этому пути в одиночестве не просто трудно, а невыносимо трудно, я понимаю вас. Хотя мне понятно также и то, что сделать того, что было сделано вами за недолгую жизнь, было бы невозможно без истинных друзей. Сегодня, когда

я читаю эту несусветную чушь о декабристах, когда вольно трактуют все события, связывающие поэта Пушкина, «друга» Николая I и «врага» декабристов, мои волосы встают дыбом, мне хочется разразиться бранью и кричать от душевной боли. Мне плохо.

«Декабристы по мнению лже-историков были лучшие представители Александровской эпохи. Вместе с декабристами де ушли с политической и культурной арены лучшие люди эпохи, а их место заняла, как выражается Герцен – „дрянь Александровского времени“. Подобная трактовка совершенно не соответствует исторической действительности. Среди декабристов были, конечно, отдельные выдающиеся и высококультурные люди, но декабристы не были отнюдь лучшими и самыми культурными людьми эпохи. Оставшиеся на свободе и не бывшие никогда декабристами Пушкин, Лермонтов, Крылов, Хомяков, Кириевский и многие другие выдающиеся представители Николаевской эпохи, золотого века русской литературы были намного умнее, даровитее и образованнее самых умных и образованных декабристов. Потери русской культуры в результате осуждения декабристов вовсе не так велики, как это стараются изобразить, ни одного действительно выдающегося деятеля русской культуры, ни одного выдающегося государственного деятеля среди декабристов все же не было. Как государственный деятель Николай I настолько выше утописта Пестеля, насколько в области поэзии Пушкин выше Рылеева». (5) Простите

лже-историку Борису Башилову за наглость. Он сам не веда-ет, что творит. Разве мог проявиться гений Пушкина без его блестящего окружения? Разве мог проявить свой талант Лер-монтов без Пушкина? Разве, разве, разве... Простим неудав-шемуся пушкинисту его невежество. Он даже не удосужился внимательно прочитать книгу маркиза Астольфа де Кюстина «Николаевская Россия» 1839 года, а не только не ознакомил-ся с документами и публикациями о декабристах. К счастью, не все у нас подобны господину Башилову. Простая русская женщина из Сочи, Галина Григорьевна Зубаренкова, науч-ный сотрудник Черноморского НИИ морских берегозащит-ных сооружений, работавшая на изыскании БАМа с 1975 го-да, ныне покойная, годами собирая материал о декабристах, о Пушкине, любовью своею перечеркнет еще не одно заврав-шееся утверждение башиловых. Разрешите мне не касаться сейчас темы взаимоотношений Пушкин – Николай I, речь об этом пойдет ниже, а вот поспорить о преувеличении ве-личества царя и его окружения я попробую.

«Да, тридцать лет почти терзал братоубийца
Родную нашу Русь, которой он не знал,
По каплям кровь ее сосал он, кровопийца,
И просвещение в ней цензурою сковал.
И, не поняв, что только в просвещение
Народов честь, и мощь, и благо, и покой,
Все силы напрягал он для уничтоженья
Стремлений и надежд России молодой.

Что жизнью свежую цвело и самобытной,
Что гордо шло вперед, неся идеи в мир,
К земле и к небу взор бросая любопытный, —
Он все ловил, душил, он все ссылал в Сибирь.»
Н. А. Добролюбов (34)

А это было написано через два года после гибели поэта: «Единственное, чем заняты все мыслящие русские, чем они всецело поглощены, — это царь, дворец, в котором он пребывает, планы и проекты, которые в данный момент при дворе возникают. Поклонение двору, прислушивание к тому, что там происходит, — единственное, что наполняет их жизнь», — пишет Кюстин. «К кому обратится когда-нибудь русский за защитой против этого заговора молчания высшего общества? Какой взрыв мести против самодержавия готовит это добровольное самоуничтожение трусливой аристократии. Что делает русское дворянство? Оно поклоняется своему царю и становится соучастником всех преступлений высшей власти». (6) Это ли не ответ? Не было в окружении царя не только равных поэту, но даже в подметки они ему не годились.

«Чуя невзгону дворянскому роду,
Баре судачат и лают свободу;
Обер-лакеи, спасая ливреи,
Гонят в три шеи живые идеи.
Образ правленья — холопства и барства —

Изображенье Российского царства.
Видя, как шатки и плохи порядки,
Все без оглядки пустились брать взятки,
Львы-ветераны, наперстники трона,
Дремлют, болваны, на страже закона;
А дел вершенье – в руках секретарства —
Изображенье Российского царства.
Для укрепления филея и мозгу
Корень ученья нам вырастил розгу;
Книг лишних нету, читай что прикажут;
Чуть больше свету – окошко замажут.
Мрак и растленье в видах государства —
Изображенье Российского царства.
Самодержавье, народность, жандармы,
Дичь, православье, шинки да казармы;
Тесно свободе, в законах лазейки;
Бедность в народе, в казне ни копейки;
Лоск просвещения на броне татарства —
Изображенье Российского царства!
П. В. Шумахер (34)

«Пушкин радостно приветствует возникшее в 1830 году у Николая I намерение «организовать контрреволюцию – революции Петра I. Из рядов масонства (куда автор относит декабристов в первую очередь) Пушкин переходит в лагерь сторонников национальной контрреволюции, то есть оказывается в одном лагере с Николаем I.» (5) Александр Сергеевич, разрешите мне от вашего имени за такое утверждение

вызвать господина Башилова на дуэль.

Отделить от друзей, связать узами с царем, при этом обожествляя, низко кланяясь и подобострастничая. Что ж, все в духе николаевской России. «После подавления заговора декабристов и запрещения масонства в России наступает кратковременный период, который мог бы быть использован для возрождения русских политических, культурных, и социальных традиций. Счастливое стечение обстоятельств, после долгого времени, давало русскому народу редкую возможность вернуться снова на путь предков. Враги исторической России были разбиты Николаем I и повержены в прах. Уродливая эпоха европеизации России, продолжавшаяся 125 лет, кончилась. Николай I запрещает масонство и стремится стать народным царем, политические притязания дворянства подавлены, в душах наиболее одаренных людей эпохи, во главе которых идет Пушкин, с каждым годом усиливается стремление к восстановлению русского национального мировоззрения. В стране возникает духовная атмосфера, благоприятствующая возрождению самобытных русских традиций во всех областях жизни. Мировое масонство и хотело бы помешать этому процессу, но, потеряв в лице декабристов своих главных агентов, не в силах помешать России вернуться на путь предков. И во главе двух потоков Национального Возрождения стоят два выдающихся человека эпохи – во главе политического – Николай I, во главе умственного умнейший и культурнейший человек эпохи

-А. С. Пушкин.»(5)

Да неужели кривые зеркала николаевской эпохи будут вечно искажать сущность русской жизни? «Блеск волшебной залы во сто крат увеличивался благодаря обилию огромных зеркал, каких я нигде ранее не видал. Эти зеркала, охваченные золотыми рамами, закрывали широкие простенки между окнами, заполняли также противоположную стену залы, занимающей в длину почти половину всего дворца, и отражали свет бесчисленного количества свечей, горевших в богатейших люстрах. Трудно представить себе величие этой картины. Совершенно терялось представление о том, где ты находишься. Исчезали всякие границы, все было полно света, золота, цветов, отражений и чарующей, волшебной иллюзии. Движение толпы и сама толпа увеличивалась до бесконечности, каждое лицо становилось сотней лиц. Это дворец как бы создан для празднеств, и казалось, что после бала вместе с танцующими парами исчезнет и эта волшебная зала». (6)

Не здесь ли тоскующий по друзьям поэт создал портрет николаевской России: «Я ль на свете всех милее, всех прекрасней и белее?» И во главе каких одаренных людей этой толпы мог стать Пушкин, когда был «государь по своему рождению скорее немец, нежели русский, и потому красивые черты его лица, правильность его профиля, его военная выправка более напоминают о Германии, чем характеризуют Россию. Его немецкая натура должна была долго ме-

шать ему стать тем, кем он является теперь, – истинно русским». (6) Да и не в этом ли основная причина жестокости царя к декабристам? Возьмите родословные ветви осужденных на каторгу и смерть, сколько потомков Рюриковичей вы там найдете, Рюриковичей, истинных царей русских? Сколько «представителей древнейших русских дворянских родов, представителей знатных аристократических фамилий, имевших все для житейского благополучия? Люди, как правило, богатые и счастливые в семейной жизни, пришли к выводу, что России нужны коренные перемены, что русский народ, вынесший на своих плечах все тяготы войны с Наполеоном, достоин жить иначе, что крепостное рабство и самодержавная монархия препятствуют благу отечества. При этом „лучшие люди из дворян“, как их называл Ленин, дали друг другу клятву бескорыстия: если их дело восторжествует, уйти от власти и отдать ее „собору от всех сословий России“, который создаст конституцию нового государства». (16)

А вот кто-кто, а Николай I никогда ни в чем не был русским. «Вся Европа наших дней поражена скукой. Доказательство тому – образ жизни нашей молодежи. Но Россия страдает от этой болезни больше, чем другие страны. Трудно дать понятие о пресыщенности, царствующей в высших слоях московского общества. Нигде болезни духа, порожденные скукой, этой страстью людей, страстей не имеющих, не казались мне столь серьезными и столь распространенными, как в России, в ее высшем свете. Общество здесь, можно сказать,

начало со злоупотреблений. Когда порок уже не помогает человеку избавиться от скуки, которая гложет его сердце, тогда человек идет на преступление. И это случается иногда в России», — пишет Астольф де Кюстин. (6)

Кроме того, свою дочь, великую княжну Марию Николаевну, внучку Павла I, Николай I выдал замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, пасынка Наполеона, сына императрицы Жозефины от первого брака. (6) И это «истинный русский» царь после войны 1812 года считал самой выгодной партией?

И Пушкин любезничал с этим царем, когда его лучшие друзья в кандалах, в Сибири? Когда милая «утаенная любовь», Мария Волконская, подобно жене Михаила Пушкина, урожденной Волконской, последовавшей за мужем в Тобольск, куда он был сослан Екатериной II, жила в Нерчинске? В том самом Нерчинске, где воеводским товарищем в 1644—1649 годах был Петр, сын ссыльного Петра Савича Мусина-Пушкина? Род Пушкина навечно связан с Сибирью и каторгой. (7)

И какими же словами пытается господин Башилов убедить нас в том, что декабристы пошли на Сенатскую площадь из-за заговора масонов? Да они все к тому времени переболели этой болезнью и оставили ее, как в свое время оставил Пушкин. И не отношение к какой-то определенной партии и движению определяет сущность человека, а его отношение к своей стране, к своему народу, разве это не так?

В чем же мы убеждаемся? «Муравьев хотел произнести свою речь, когда Пестель выскажет все до конца, но сидел, как на иголках, и, наконец, не выдержал.

«Какая же аристократия, помилуйте? Ни в одном государстве европейском не бывало, ни в Англии, ни даже в Америке, такой демократии, каковая через выборы в Нижнюю Палату Русского Веча, по нашей конституции, имеет быть достигнута.»

«У меня, сударь, имя не русское, – заговорил вдруг Пестель с едва заметною дрожью в голосе, – но в предназначение России я верю больше вашего. Русскою правдой называл я мою конституцию, понеже уповаю, что правда русская некогда будет всесветною, и что примут ее все народы европейские, доселе пребывающие в рабстве, хотя не столь явном, как наше, но, может быть, злейшем, ибо неравенство имуществ есть рабство злейшее. Россия освободится первая. От совершенного рабства к совершенной свободе – таков наш путь. Ничего не имея, мы должны приобрести все, а иначе игра не стоит свеч…»(17)

Все – это свобода, господин Башилов, а не мешки с долларами, вы неправильно поняли.

«Это был единственный случай, не только в истории России, но и в мировой истории, где люди не пытались брать, а именно отдавали, отдавали часть своих привилегий, не потому что боялись бунта, а затем, чтобы облегчить жизнь. А это, поверьте мне, не так легко». (18) А привилегий у них

было больше, чем достаточно.

«Отец Пестеля был генерал-губернатором Сибири, отец обоих Муравьевых – помощник министра и воспитатель царя Александра, отец Коновницына – министр военный, шурин князя Волконского – министр Двора, отец Муравьева-Апостола – посланник в Мадриде, дед Чернышева – фельд-маршал и один из виднейших советников Екатерины II, молодой граф Бобринский, который соприкоснулся с заговором, был внуком Екатерины». (17) «Князь Сергей Петрович Трубецкой был женат на графине Екатерине Ивановне Лаваль, дочери французского эмигранта, занимавшего видное положение при дворе Александра I». (6)

«Раевские принадлежали к древнему дворянскому роду, многие представители которого занимали высокие государственные и воинские посты во времена Василия III, Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II. Дочь одного из известных представителей рода Раевских приходилась бабкой Елене Васильевне Глинской, великой Московской княгине, жене Василия III и прабабки Ивана Грозного. Из рода Раевских по материнской линии была и Наталья Кирилловна Нарышкина, супруга царя Алексея Михайловича и мать Петра I.»(19) Из рода Рюриковичей был и Сергей Волконский.

Не может поэт предать своих друзей, забыть общение с людьми, которые составляли истинный цвет русского общества, любезничать с царем из-за боязни каторги. Он открыто говорит об этом и пишет.

Не разделяет он взглядов царя. Александр Сергеевич, ведь я права!!!

Это Николай I боится Пушкина. Насквозь лживый и коварный, он боится Пушкина, поэтому идет на компромисс с поэтом.

Почему же Пушкин рядом с царем, а не в Сибири с друзьями? На то есть причина.

И она делает жизнь поэта трагичной.

«Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Йоанниных чудес,
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой».

Колыма. Сталинский гулаг. За колючей проволокой – бараки. Метель метет. Дверь административного корпуса распахнута настежь. Оттуда в снег летит папка с бумагами. В снегу ползает человек, он заключенный. Он старается собрать бумаги, пока никто не видит. Испуганно оглядывается по сторонам и ползет к забору, кидает папку через забор и ждет с замиранием сердца оклика часового или выстрела. Но тихо вокруг...

А вот уже весна. Моего зэка уже выпустили из-за колючей

проволами. Он -доктор. Его отпустили пасти оленей. Из леса скачет лошадь. На ней всадник. Вот он появляется в поле зрения доктора. Это девушка необыкновенной красоты. Она изящно сидит в седле, ее смуглое лицо утонченное и благородное, а платье на ней мужское, одежда простолюдина. Доктор просит девушку подвести его. Она милостиво разрешает ему сесть в седло позади себя. Он опускается на лошадь, обхватывает девушку руками, чувства его возгораются от желания, рука скользит вниз, и о...! Что это? У нее мужское достоинство!?! Она гермафродит! «Выходит, это для нее я рисковал жизнью и вез на каторгу медицинские инструменты, – думает доктор, – но ящик так тяжел! Сумеет ли она его достать? Сумеет! Ведь она – гермафродит! У нее мужская сила!»

Я просыпаюсь и слышу в темноте: «Гермафродит...»

Средневековый замок. Англичане готовятся к бою. Все окна замка закрываются мешками с песком, мебелью, книгами. Но то, что спасения нет, понимают все. И принимают это с обреченностью. Я не могу там оставаться. Я прошу мужчину, а я знаю, что это доктор, вывести меня из замка подземным ходом. Он соглашается. Мы проходим стены замка под землей. На опушке леса видим восставших французов. Ими командует прекрасная девушка. Ее темно-русые волосы развеваются по ветру, когда она скачет от одной группы людей к другой. Все ее слушаются. «Она молода, хороша собой, почему она здесь?» – спрашиваю я доктора. Улыбка исчезает

с его лица, и он произносит: «Красота ее изумительна, но загляни ей под юбку. Она гермафродит».

Гермафродит. Просыпаюсь я.

Зачем так настойчиво мне показали эту девушку- гермафродита? И в сталинском гугаге, и в средневековом замке? Я прочла всю найденную в Интернетe информацию – Жанна д'Арк была обыкновенной девушкой. Разве что силой духа обладала более мощной, чем любой мужчина. Я просмотрела фильм о ней. Она действительна та девушка из моего сна. Неужели только для того, чтобы через гермафродитизм выйти на сайт «доктор», а затем найти статью о декабристах в Сибири?

Я не потеряю эту тему, дорогой Александр Сергеевич, я не имею на это права.

Что же делали декабристы, «несчастные», как называли их сибиряки, в то время как расхваленные башиловыми дворяне пресмыкались перед монархом? Сходили с ума, плакали и писали прошения? Уповали на господа Бога и предавались пьянству, разврату, картам?

НЕТ.

Они несли свой крест с достоинством дворянина, Человека, сознательно взвалившего на себя груз отверженного, каторжанина. «Цвет русской нации, «блестящий ряд молодых героев», «богатыри, выкованные из чистой стали», как называл их А. И. Герцен. Их не страшил царский гнев: никто из имевших возможность спастись, избежать ареста, не под-

дался этому соблазну. Люди большого мужества и благородства, они расценивали принесенные ими жертвы, как неизбежные, которые помогут последующим поколениям в борьбе за свободу.

«Тюрьма мне в честь,
не в укоризну.
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих
цепей
Когда ношу их за
Отчизну»

Эти полные человеческого достоинства строки, написанные К. Ф. Рылеевым на дне оловянной тарелки в камере Петропавловской крепости, как нельзя полно выразили настроение декабристов. Места поселения декабристов (после окончания срока каторжных работ) были разбросаны на огромных пространствах Сибири: Курган, Ялуторовск, Туринск, Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск, Енисейск, Нарым и другие. Многие из них представляли собой «богом забытые» глухие медвежьи углы. Полагая, что важнейшей предпосылкой просвещения является благосостояние масс, декабристы наметили широкую программу содействия экономическому развитию края и приступили к ее реализации. Они устраивали образцовые опытные хозяйства, выводили более продуктивные породы скота, выращивали овощи, ра-

нее неизвестные в Сибири, и раздавали семена крестьянам, трудились над конструированием более доступных и дешевых сельскохозяйственных машин. Разнообразной и напряженной была их культурно-просветительская деятельность: частные уроки, организация и открытие школ (в том числе женских, первых в Сибири), устройство музыкальных вечеров и классов, литературных обществ. Важнейшим вкладом в просвещение Сибири была политическая деятельность декабристов, проявившаяся в популяризации и пропаганде своих идеалов. В этом плане особо заслуживает внимания М. С. Лунин, судьба которого необычна своим драматизмом. Один из организаторов декабристских обществ, человек разносторонне и широко образованный, обладавший большим запасом душевных сил и воли, он продолжал в ссылке активную революционную пропаганду. Его письма из Сибири, полные беспощадной критики и едкой иронии в адрес властей, представляли собой острые политические памфлеты, распространявшиеся в многочисленных списках друзьями знакомыми. В своих исторических исследованиях («Разбор донесения следственной комиссии» и «Взгляд на русское Тайное общество с 1816 по 1826 год») Лунин проводил идею закономерности восстания 14 декабря, доказывая тем самым глубокую социальную обусловленность декабристской идеологии. В любом уголке необъятной Сибири, где пришлось жить декабристам, они оставили глубокий след в культурной, хозяйственной и политической жизни. Трудно переоце-

нить большое культурное и эстетическое влияние жен декабристов. Эти одиннадцать женщин, отказавшиеся от привычной обеспеченной жизни, оставившие близких, чтобы разделить участь своих опальных мужей, явили всей России высокий подвиг любви и самоотречения. Их мужество вдохновляло изгнанников, вливая в них новые силы для борьбы. Нравственный облик жен декабристов, образованность, независимость и непреклонность сделали их центром притяжения умов и сердец всех слоев населения Сибири, тем самым облегчив и увеличив значение их культурно-просветительской роли». (8)

«Увлечение медициной, бесплатное лечение и постоянная помощь беднякам медикаментами, а этим занимались и А. В. Розен, и К. П. Ивашев, и Е. П. Нарышкина, усыновление Нарышкиными в Чите, когда еще М. М. Нарышкин находился за частоколом острога, девочки Чюпятовой, брошенной родителями- все это было для окружающих уроками высокой нравственности. Особый интерес представляет вопрос о библиотеке декабристов и личных библиотеках Волконских, Трубецких, Муравьевых, созданных благодаря их женам. Почти все, кто оставил нам «записки» о жизни декабристов в Чите и в Петровском заводе, рассказывают, что Никита Муравьев благодаря заботам матери и жены имел в Сибири почти всю домашнюю библиотеку. Книги дарились местным жителям, читались многими, особенно молодежью местной интеллигенции, а ведь среди этих книг были

не только самые последние журналы на русском, французском и немецком языках, но и такие издания, как «Колокол» Герцена. И это в то время, когда публичных и даже частных библиотек, где можно было бы получить для прочтения книгу, не существовало. Еще один аспект. Обучение детей, особенно в Ялуторовске, где жена декабриста А. Муравьева, Жозефина Адамовна, помогала Якушкину в его просветительской деятельности; уроки французского языка, которые проводила какое-то время после смерти мужа Мария Кузмировна Юшневская с сыновьями иркутского купца Белоголового; кружок молодежи, который собрался вокруг Натальи Дмитриевны Фонвизиной в Енисейске, ее удивительные беседы о жизни, о правде, о чистоте помыслов с людьми, сердца которых жадно ловили каждое слово; наконец, домашний театр Марии Николаевны Волконской в Иркутске, ее дом, по рассказу Н. А. Белоголового, ставший вскоре после переселения Волконских в город Иркутск «главным центром общественной жизни» все это создало особый колорит эпохи в сибирской глубинке. Можно говорить и о занятиях художественной вышивкой, образец которой – работа княгини Екатерины Ивановны Трубецкой – хранится в Иркутском музее декабристов. Сохранилась целая переписка дам о различных узорах. Там, где удавалось декабристам вмешиваться в жизнь местного населения, жены были их верными помощниками, там же, где ограничение прав не давало в полную меру действовать декабристам, многое успели сделать

их жены, оставшись навсегда в памяти народа людьми, творящими добро.

Двумя главными центрами, около которых группировались иркутские декабристы, были семьи Трубецких и Волконских. Дом декабриста Сергея Волконского был перевезен из села Урик и реконструирован в 1845 году. Так как обе хозяйки своим умом и образованием были как бы созданы, чтобы сплотить всех товарищей в одну дружескую колонию, а присутствие детей в обеих семьях вносило еще больше оживления и теплоты в отношения, их дома посещали не только товарищи по ссылке – но и те, кто принадлежал к культурному иркутскому обществу. Особенно многолюдно и шумно проводились зимние праздники в доме Волконского. Сама хозяйка Мария Николаевна любила общество и культурное развлечение. Она сумела превратить свой дом в один из центров иркутской общественной жизни. У нее часто устраивались балы, маскарады, любительские спектакли и другие развлечения. В женах декабристов мы признаем классические образы самоотверженной любви, самопожертвования и необычайной энергии. «Уже одна открытая жизнь в доме Волконских, – пишет Белоголовый, – прямо вела к сближению общества и зарождению в нем более смягченных и культурных навыков и вкусов. Но и помимо того, как ни старались остальные декабристы не выдаваться вперед и сохранять свое скромное положение ссыльнопоселенцев, но единовременное появление в небольшом

и разнокалиберном обществе 20-тысячного городка 15 или 20 высокообразованных личностей не могло не оставить глубокого следа. Некоторые из них, например, Николай Бестужев, Никита Муравьев, Юшневский и Лунин оказывали неотразимое влияние своими выдающимися умами, большинство же – тем глубоким и разносторонним просвещением, пробел в котором они тщательно восполнили во время своей замкнутой от мира, но дружно сплоченной жизни в Чите и Петровском заводе. Истинное просвещение сделало то, что люди эти не кичились ни своим происхождением, ни превосходством образования, а, наоборот, старались искренне и тесно сблизиться с окружающей их провинциальной средой и внести в нее свет своих познаний; все проведенные ими жизненные испытания наложили на них печать не озлобления, а безграничной гуманности. Естественно поэтому они скоро завоевали себе общую любовь и уважение в Иркутске. Благотворное влияние их на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо, потому что достигалось медленно и незаметно, не громкими фразами и не блестящими делами, а в разумной и всегда согретой гуманными наклонностями беседе и в личном примере безукоризненной честности во всех проявлениях своей будничной жизни, чем то животное прозябание и самоопошляивание, какими отличалась жизнь тогдашнего провинциального захолустья. И нет сомнения, что весьма многие из иркутских чиновников и купцов, только в силу этого непосредственно-

го обаяния просвещения, почувствовали большую потребность в духовных наслаждениях жизни, стали больше читать и особенно заботиться о том, чтобы дать своим детям по возможности совершенное образование. Недаром же в России самым глухим и неблагоприятным периодом в истории русского просвещения 19 века, в иркутском обществе обнаруживается стремление молодежи в русские университеты, которое, получив тогда первый толчок, продолжало с тех пор только прогрессивно расти и развиваться». (9)

Сведения о научной работе декабристов в Сибири разбросаны во многих изданиях, частью редких или вовсе малоизвестных. Писательница Лидия Чуковская кропотливо собрала все эти сведения и создала увлекательную и глубоко патристическую книгу. В нее вошли очерки об Александре Бестужеве, Ф. П. Шаховском, А. и П. Борисовых, С. М. Семёнове, А. И. Якубовиче, братьях Беляевых. Декабристы принимали посильное участие во всех научных экспедициях тех лет в Сибирь. Но в толстых томах трудов ученых и путешественников редко встретишь даже ссылку на имена декабристов – Николай I строжайше запретил упоминать их имена. (10)

Декабристы воспели Сибирь в стихах. Поэты – декабристы прежде всего обнаружили противоречие: обширность просторов Сибири, – «весь обзор обширный и прекрасный», который «мучительно на волю вызывал» (А. Одоевский), контрастировал назначению своему – месту неволи, катор-

ги и ссылки. Александр Бестужев, не без грусти рисовавший якутский май, «богатый не жасмином, а одной подснежною брусникой», воздал должное романтической красоте приленского пейзажа:

«Осыпаны кудри цветных
тальников
Росинками ночи осенней,
И вышита зелень холмов и
лугов
Узором изменчивых
теней.
Вот месяц над теменем
сумрачных скал
Вспрянул кабаргой
златорогой,
И луч одинокий по Лене
упал
Виденьем блестящей
дороги» (31)

Успокойтесь, Александр Сергеевич, благодарные потомки никогда не забудут ваших друзей и не позволят никому отделить Великого Пушкина от его друзей – декабристов. А уж сибиряки тем паче.

PS. Я достаточно рассказала о ваших друзьях?

4. Тайна Пушкина

Так почему же Пушкина не было на Сенатской площади во время восстания? Почему декабристы не увлекли его в свою деятельность? Пылкого, увлекающегося поэта, который мог бы повести за собой массы? Почему они берегли его, а сам он не то чтобы не стремился в тайные общества, но старательно делал вид, чтобы этого не заметило николаевское общество, в первую очередь Николай I?

ПУШКИН ВЛАДЕЛ ТАЙНОЙ БЫТИЯ.

«Когда текла за ратью рать.
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...»

Ему необходимо было время, чтобы закончить свой труд. Он не мог рисковать, долг его обязывал выполнить миссию, порученную ему свыше. Он работал на износ, потому что знал, что судьба отводит ему слишком мало времени, а работа столь важна, что он не имеет права отвлекаться даже по самому серьезному поводу, такому, как восстание. А с какой радостью помчался бы он к друзьям, поддержал, ободрил, пополнил их ряды. Разве могла его страшить смерть, каторга, неволя и Сибирь, когда всеми корнями он давно был там. И как могла бы зазвучать его муза, воспевая отчизну и свободу. И какой прекрасной была бы его смерть рядом с казнен-

ными декабристами. Он не мог поступить так просто. Душа его разрывалась на две части: друзья и долг. Долг победил. Долг заставил его пойти на компромисс с Николаем I. Господин Башилов, вы приводите в своих бреднях исторические подтверждения разговора Пушкина с царем, но читать-то вы не умеете. Когда-нибудь русский поэт мог писать и говорить без подтекста? Послушайте приведенный вами разговор:

«Время изменило лихорадочный бред молодости. Все ребяческое слетело прочь. Все порочное исчезло. Сердце заговорило с умом словами небесного откровения, и послушный спасительному призыву ум вдруг опомнился, успокоился, усмирился; и когда я осмотрелся кругом, когда внимательнее, глубже вникнул в видимое, — я понял, что казавшееся доньше правдой было ложью, чтимое — заблуждением, а цели, которые я себе ставил, грозили преступлением, падением, позором! Я понял, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и краснобайствуют молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы губительна как для личности, так и для общества; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной массы требуют мощного направляюще-

го воздействия, – в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонирующей, воспитывающей и долго еще должна оставаться диктаториальной или самодержавной, потому что иначе она не будет чтимой и устрашающей, между тем, как у нас до сих пор неперемненное условие существования всякой власти- чтобы перед ней смирились, чтобы в ней видели всемогущество, полученное от Бога, чтобы в ней слышали глас самого Бога. Конечно, этот абсолютизм, это самодержавное правление одного человека, стоящего выше закона, потому что он сам устанавливает закон, не может быть неизменной нормой, предопределяющей будущее; самодержавию суждено подвергнуться постепенному изменению и некогда поделиться половиною своей власти с народом. Но это наступит еще не скоро, потому что скоро наступить не может и не должно».

«Почему не должно?» – переспросил Пушкина граф Струтынский.

«Все внезапное вредно, – ответил Пушкин, – Глаз, привыкший к темноте, надо постепенно приучать к свету. Природного раба надо постепенно обучать разумному пользованию свободой. Понимаете? Наш народ еще темен, почти дик; дай ему послабление – он взбесится». (5)

Ведь понятно, что Пророк видел не только власть царя Николая, но и последних царей, таких как Иосифа Сталина и Бориса Ельцина, и все развитие нашего общества.

Это не графу Струтынскому обращены эти слова, а нам

с вами. Вы не забыли пушкинские строки «я вышел рано, до звезды»? Или его «Товарищ, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!» Если царь Борис – последний царь эпохи, то скоро над Россией взойдет звезда Пушкина и декабристов. И народ наш уже готов к разумному пользованию свободой.

Вот почему был так рад Пушкин после разговора с царем, ведь он выиграл время! В 1829 году основной труд закончен, но необходимость шифровки труда привела поэта к давно выстраданному – сказкам. Какое удовольствие для гения было написание этих работ! Душа его пела. И как не петь – женьтиба, любимая женушка, дети, закончен тяжкий труд. Одно только омрачало действительность – чувство невольной вины перед друзьями. Но они посвящены в его заботы, они приняли Архив. Теперь будущее оценит – во имя чего принесены жертвы. Но до Николая I доходит, что он обманулся. Может быть, ему становится известно, что кроме Княжнина Пушкину известно место захоронения казненных декабристов.

Мсть! Мсть! Мсть! Больше царь ни на что не способен. Точно так же, как он придумал «две казни – две могилы» (14), в его голове рождается план, как можно расквитаться с поэтом, при этом оставшись в тени. Используется опробованный не раз прием: интриги, склоки, грязь.

«Николай был чрезвычайно женолюбив, и фаворитизм

процветал при русском дворе. Не удовлетворяясь официальной, общепризнанной фавориткой В. А. Нелидовой, даже жившей во дворце, Николай дарил сугубым вниманием не только всех фрейлин и иных придворных дам и девиц, но очень часто оказывался весьма благосклонен и к случайным встречным из среднего сословия. Наблюдательный соотечественник Кюстина, живший в России, рассказывал, что «если он (царь) отличает женщину на прогулке, в театре, в свете, он говорит одно слово дежурному адъютанту. Особа, привлекая внимание божества, попадает под наблюдение, под надзор. Предупреждают супруга, если она замужем, родителей, если она девушка, о чести, которая им выпала. Нет примеров, чтобы это отличие было принято иначе как с изъявлением почтительной признательности. Равным образом нет еще примеров, чтобы обесчещенные мужья или отцы не извлекали прибыли из своего бесчестья.»(6)

И он попадает в точку. Необыкновенная любовь прекрасной божественной Натали к Пушкину, как и Пушкина к Натали, мешает свету, где все берут пример с царя. Они начинают травлю. Измученному поэту все равно. Он давно знает свой конец, только мысли о горе любимой и глубоко любящей его женщины и лучших друзей заставляют его в первый раз отказаться от дуэли. Но долг выполнен, правда не написана последняя сказка, сказка о Буратино. Достаточно пролога к поэме «Руслан и Людмила» и того, что Кутейниковы позволяют работать с Архивом русским великим писателям,

сказку напишут без него. От всех нападков защитил Пушкин свою Натали, не смог только защитить от физической и душевной боли. Об этом говорят слова В. Ф. Вяземской о том, что она «не может забыть страданий Наталии Николаевны в предсмертные дни ее мужа. Конвульсии гибкой станом женщины были таковы, что ноги ее доходили до головы. Судороги в ногах долго продолжались у нее и после, начинаясь обыкновенно в 11 часов вечера». (13)

Поэт не просто погиб, он сгорел в огне истории России. Сгорел, как Жанна д'Арк, осветив горящим факелом собственного тела путь, по которому пойдет Россия. Пророк добровольно принял на себя мученичество не столько физической боли, сколько предвзятых и бесцеремонных оценок потомков, которые без любви к нему, к его несравненной Натали, его истинным друзьям-декабристам, будут разбираться в поэзии, творчестве, научных разработках для получения очередных званий академиков и профессоров.

5. «Дар Ориона»

«В незапамятные времена с далекой звезды упал чудесный камень. На том месте, где он появился, была основана Шамбала – Твердыня Света. И по сей день хранится этот Камень здесь же, на башне Ригден-Джапо в особом помещении.

Этот посол дальних миров содержит некое вещество, помогающее хранить вибрации дальних миров. Он является

знаменательным терафимом Братства – этот камень дает лучи, проникающие через все океаны и горы, на благо людей. По миру ходит осколок этого сокровенного чуда. Он совершает путь вестника по Земле, возвещая великие мировые события. Эта частица Камня, называемая «Сокровищем Мира», появляется в руках избранных и служит соединению с Братством, сохраняя магнитную связь с главным Камнем. Сокровище Мира обычно приносится совершенно неожиданно неизвестными людьми. Тем же неожиданным путем в должное время Камень исчезает, чтобы опять появиться в сужденный срок в совершенно другой стране.

Присылка этого дара с незапамятных времен знаменует наступающий срок сужденного объединения и могущества той страны, где он появляется. По преданию, сокровище приносит с собой и особый Завет, который должен быть выполнен.

...Когда сын Солнца сошел на Землю научить народы, с неба упал щит, который носил силу мира. Посреди щита, между тремя различными пятнами, выступали знаки, предвещавшие события под лучом Солнца.

...Злейшая ошибка отрицать Камень. Поистине, я видел его – осколок щита мира! Помню величину его, длиною с мой пятый палец – серый отблеск, как сухой плод. ...У дыхания степей и у хрустальных звонов гор дух Камня указывает путь знамени. Учителю надо повести коней. Явление ожидается.

...Как к жару и ко льду привыкнуть надо, так надо привыкнуть и к излучению Камня. Каждый, камень носящий, должен тихо пожить с ним. Дурман лучей невидим, но жар тайный сильнее радия. Елей льется невидимый. Явно же камень покоится на ткани Родины своей.

...Темной ночью в темной одежде неслышно подходит голец – как ждут они? У поворота, за углом ждет ручной зверь, носом поводит, лапу тянет, послан врагом. Кто копошится за лестницей, какие мухи налетели, откуда вихрь летит? Но иду крепко, учу молитву: «Не покинь, Владыко, потому собрал силы мои, не покинь, ибо к Тебе иду!»

...Когда у Повелителя Индии пропал Камень, жена сказала: «Найдем его опять. Удалый просит лук, птицу сам достанет».

...И последний полет на Запад осветил царство небывалое неудачного единения народов Запада. На каждом луче Востока уже ищут Камень. Время настает, сроки исполняются. Рок сужденный записан, когда с Запада добровольно Камень придет. Утверждаем ждать и понять Камня путь. Утверждаем понять сужденных носителей Камня, идущих домой. Корабль готов!

...Когда пламя над чашей кольцом совется, тогда близко время Мое. Новая Страна пойдет навстречу Семи Звездам под знаком Трех Звезд, пославших Камень Миру. Сокровище готово, и враг не возьмет золотом покрытый щит! Ждите Камень!» (11)

6. «Там лес и дол видений полны...»

За кладбищенской оградой дом. Там живет моя бабушка. Я пришла к ней, она рада встрече и подает мне ребенка, девочку. «Возьми ее, – говорит бабушка, – ты сумеешь ее увезти отсюда». Я беру ребенка и просыпаюсь.

У меня родилась девочка. Она хорошенькая и здоровенькая. Я так радуюсь, что не могу сдержать своих восторгов. Но вдруг подо мной появляется куча грязи. «Ребенок такой здоровый, откуда грязь?» – удивляюсь я и просыпаюсь.

Идет выставка. Рядом скамейки, по которым лазит моя девочка. Она подросла, ей лет пять-шесть. «Будь осторожнее!» – кричу я дочери и просыпаюсь.

Слюдянские озера. Моя девочка выросла, она – невеста. Ее платье все в рюшах, кто-то, еще пока чужой мне, хочет увезти мою дочь. «Подумай хорошенько!» – обращаюсь я к дочери и просыпаюсь.

Моя мечта осуществилась! Я так рада и счастлива, как никогда в жизни! Мой огромный каторжный труд по организации первой межрегиональной олимпиады по экологии на английском языке завершен! Успешно! Я сделала это, сделала!

Первые восторги прошли, и хватило недели, чтобы зависть, склоки, интриги, неприятие чужого успеха уничтожили все наработки. Грязь, одна грязь кругом, хотя дело-то было живое, здоровое...

25-летие БАМа. Мы спешим, делая фотовыставку для города. Жульен Пинье прислал фотографии размером 50 на 75. Но среди них несколько тех, которые я не заказывала. Как они были выбраны? Не знаю. Фотографии, хотя и были вывешены в ДК «Железнодорожник», должного впечатления на жителей города не произвели, так как были показаны только узкому кругу лиц. Зачем я потратила столько сил на их изготовление?..

Слюдянские озера. Я тихонько обхожу озеро и фотографирую. Вижу необычный вид: солнце садится между двух гор и отражается в озере. Полная симметрия привлекает мой глаз, и я щелкаю фотоаппаратом. Вечером моя девочка объявляет мне, что ее пригласила семья ее друга в путешествие на машине Улан-Удэ – Иркутск.

«Паситесь, мирные народы!» – это все, что я могу сказать о выборах в Северобайкальске. Северобайкальцы не поняли и не приняли моих чистых помыслов. Но для меня это более, чем самое важное событие за последние годы в моей жизни. Именно потому, что когда я начала изучение научного наследия Пушкина, мне открылись не только сказки, но и фотографии.

На столе – поверхность какого-то места. Из разных щелей вылезают большие жирные гусеницы. Как только они появляются на открытом месте, сверху опускается гирия, подвешенная на нити. Гусеницы не успевают спрятаться и погибают. Моя невестка внимательно наблюдает за происходящи-

ми событиями. Потом она не выдерживает и пытается понять, что это за нить такая, на которой висит гиря. Она тянется вперед, поднимается все выше и выше и вдруг видит, что нить находится в моей руке, и я направляю гирю, точно рассчитывая удары, приходящиеся на гусениц. Невестка поражена...

Я просыпаюсь.

Я не помню на Байкале торосов столь огромных и величественных, какие были в марте 1998 года, после олимпиады.

Фотографии, сделанные тогда, принесли не только голову дядьки – Черномора, тени Пушкина и девушки, так похожей на мою дочь, но и загадку из загадок – сказочную ледяную пещеру с черным предметом посередине и сотней лиц – теней, персонажей Пушкинских и русских сказок и профилей его современников.

Когда я пристально смотрю на фотографию, я вижу печальное лицо Пушкина, его взгляд направлен в угол пещеры, туда, где через неясное пятно, скрывающее что-то особенно важное, виднеется профиль Николая I. На царя обращены и другие лица. Они все чего-то ждут.

Жирный-жирный кот важно смотрит мне в глаза с другой стороны фотографии. Русалка задумчиво согнула руки в локтях и наклоняется, высматривая что-то ниже себя. Там целый зверинец: коты идут друг за другом, собаки в другом углу.

Я замечаю свои глаза за очками в белой льдине. Огневуш-

ка – поскакушка весело сверкает глазенками и машет хвостиком заплетенной косички.

С другой стороны прекрасная дама обращена к младенцу. Но у мальчика длинный нос! Это Буратино. Где же черепаха Тортилла? Она посередине, камень в точности повторяет панцирь черепахи.

Дочери нужно продолжить учебу. Но как это сделать, когда денег нет? Нет денег, чтобы заплатить за лингвистический за прошлые два курса, за которые администрация города так и не заплатила по договору. Интернет выдает единственный университет, где это возможно – Читинский. Деньги занимаем, муж и дочь едут в Читу – на родину. Она должна помочь. «Езжай, милая, – обращаюсь я к дочери. – Пушкин отправляет тебя на каторгу.» Моя шутка связана со сходством тени девушки на фотографии, которая рядом с тенью поэта, на профиль моей девочки. В сорокаградусный мороз они уезжают, а я разгадываю сказки.

Я скучаю по дочери, мне жаль ее. Телефонные звонки поясняют, что все плохо и надо ехать в Иркутск. Мой муж возвращается, после месяца мучений и мытарств он оставляет дочь учиться в Иркутске, нашем родном институте. Он как всегда привозит кучу местной прессы. Читая читинские газеты, я нахожу объявление: «КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК должен найти себя в жизни, но если все в тумане и чувствуешь себя лишь путником, идущим сквозь года, гонясь за миражем. Скиталец. Северобайкальск». (12)

Моя статья «Сказка-ложь, да в ней намек...» готова. Я посылаю ее в газету «Бурятия» и с нетерпением жду публикации. Но в марте выборы президента, видимо редакция усматривает в статье какую-то крамолу, статья не публикуется. Я разыскиваю информацию о семьях декабристов. Моя бабушка в тринадцать лет в деревне повстречала старика, подобно тому, как повстречал его Пушкин.

«Еще в ребячестве бессмысленно лукавом
(Бродил в лицейском парке величавом,
Следя лишь за природою одной.)
Я встретил старика с плешивой головой.
С очами быстрыми, зеркалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой»

После встречи с помирным, как называла его бабушка, она получила какие-то знания. Он сказал ей, что прошел много деревень, прежде чем нашел ее. Свои способности она использовала при лечении людей, ворожбе, заговорах и травах. Что еще она знала? Неизвестно. Золотой браслет старинной работы, когда-то хранившийся в семье моей тети, дочери бабушки, вышивки великолепной работы, мелким крестиком, одна из которых, «Три богатыря» осталась у моего племянника, большой сундук из дуба, долгое время украшавший нашу нищую квартиру, наводило на размышления.

Возможно ли появление моей бабушки быть связано с декабристами? Моя дочка в последние годы жизни моей мате-

ри, пользуясь исключительной памятью последней, составила родовое дерево семьи, осуществив мою давнюю мечту. Бабушка, Евленья Ивановна, была родом Курочкина. Она родилась в 1872 году. И мать моего мужа родилась в Акатуе, где умер М. Лунин. Но есть ли в семье моего мужа какие-нибудь семейные тайны? Оказывается, есть! Бабушка моего мужа, Анисья Константиновна, была из богатой образованной семьи. В глухой деревне она знала грамоту, читала, писала письма. Ее первый муж в годы коллективизации упросил своего батрака Василия жениться на ней, взять ее с ребенком, чтобы сохранить им жизнь. А сам сгинул в сталинских лагерях. Но самое главное то, что самой большой драгоценностью для бабушки была книга Пушкина старинного издания, с портретами и пометками, которую она хранила, берегла, читала. Она знала все произведения Пушкина из этой книги наизусть! Две бабушки – две тайны.

Я приехала в гости. Мужчина встречает меня и ведет в дом. В доме статная женщина, она величаво ходит по квартире, не обращая на меня никакого внимания. Девочка лет трех просится ко мне на колени. «Почему твоя мама не хочет со мной разговаривать?» – спрашиваю я. Она смотрит на отца и рассказывает: «У меня есть маленький братик, мне папа показал. Только у него мама другая, не моя. Моя мама не хочет, чтобы я с ним играла, а я очень хочу». Женщина молчит. Мужчина ведет меня в другой дом. Там тоже очень красивая статная женщина. У нее ребенок месяцев восьми.

Она тихо ходит по квартире, поет. Мужчина виновато улыбается. Я беру ребенка на руки и качаю его. «Но ведь она пришла, – говорит мужчина, – что делать будем?»

В первой квартире гости. Они собрались сюда ради меня. Я вижу обеих женщин и детей. Мужчина смущенно улыбается. Я выхожу на улицу и вижу вокруг дома воду. Мне нужно идти, но вода не пускает. Я собираюсь плыть до ближайшего острова, но вода куда-то уходит, и я без особого труда до него добираюсь. Передо мной океан. Пути нет. Но постепенно, медленно, вода убывает. Я иду и вижу огромный город. Начинается дождь. Передо мной дорога, это шоссе в несколько полос. Вдали виднеется церковь.

Я просыпаюсь.

Франция. Большая гостиница полна людей. Это эмигранты из России. Женщина раздает листочки на заселение, вокруг нее собралась толпа. Все кричат, тянут руки. Я стою поодаль и наблюдаю. Мне дико видеть эту картину. Когда-то лощеные и холеные аристократы знаменитых русских фамилий превратились в стадо черни. Они растрепаны, одежда у них мятая, окрики грубы. Я стою и чего-то жду. Женщина заявляет, что на сегодня заселение окончено. Слышатся стоны женщин и брань мужчин. Потасовка. А я стою и жду. Женщина уходит, толпа рассеивается. Накрапывает дождь. Я стою. Молоденький юнкер подходит ко мне, просит прощения за вступление в разговор и уговаривает пройти под балкон, там нет дождя. Я не реагирую на его слова. Он бе-

рет меня за руку и ведет. Стоящие под балконом люди молча расступаются перед нами. Всю ночь мы стоим под балконом.

Утром я наблюдаю, как всходит солнце. Его золотистые лучи высвечивают волны залива и освещают два наскоро сколоченных деревянных здания. На одном из них надпись «Картины», на другом – «Реликвии». Две очереди движутся к зданиям. Здесь принимают сокровища России за бесценок. Я очень хочу есть. Голод гонит меня вдоль улицы. Я вижу ресторан с одной стороны, кафе с другой, столовую посередине. Ноги несут меня в ресторан, там смех и музыка. Сквозь стекло я вижу внутри ресторана моих поклонников, которые еще совсем недавно не давали мне прохода в России. Теперь их взгляд равнодушно скользит от меня. Француженки без ума от новых русских. Швейцар не пропускает меня в глубину зала. Я прохожу в столовую. Здесь многолюдно. Мне подают разнос с едой, где я вижу кусочки белой птицы. Это лебедь. У меня нет денег, чтобы оплачивать эту птицу. Я откладываю тарелку на стол, но мне не дают этого сделать, так как обед в комплексе. Платить надо за все. У меня нет столько денег. Покидаю столовую.

Опять гостиница. Вечер. Я вижу открытое окно на первом этаже и слышу знакомый смех. Это мой брат. Я пробирюсь к окну и окликаю его. Он выходит из комнаты, виновато улыбается и объясняет, что не может устроить меня. «А где мои сестры?» – спрашиваю я. «Они устроились, – отвечает он и отводит глаза, – Тебе эта роль не подойдет, извини.» Он

уходит, оставляя меня на улице. Мои ноги не выдерживают нагрузки, и я бочком прохожу под навес из парусины и сажусь на стул. «Наконец-то я нашел тебя!» – слышу я голос над собою. Передо мной стоит мой жених, он устало улыбается и протягивает руки...

Я просыпаюсь.

Фотография гор у Слюдянских озер не дает мне покоя. Что-то неуловимое исчезает из поля моего зрения. Она похожа на мертвую царевну, но мне этого мало. Что еще? Знаки! Поляны на горе явно похожи на письменность! Я пытаюсь вырезать на компьютере знаки, которые я вижу, по отдельности, но программа дает сбой! Не делает фрагмент, и все тут. Зависает. Но если взять другую любую фотографию, делает без проблем. Маразм какой-то, так определяю я.

Меня отправляют в командировку в Улан-Удэ, и я не могу не использовать этот шанс, чтобы повидать дочь в Иркутске. Заезжаю в Байкальск, чтобы посетить могилу бабушки. Моя дочь, зная, что я еду через Иркутск, вдруг мчится ко мне в Байкальск, где мы вместе идем к бабушке. Я представляю моей бабуле ее правнучку, мы смеемся, как много информации она нам подкинула для размышления, и уходим.

«Я беру фотографию и рассматриваю ее. Это действительно знаки. Я понимаю, что пошла изучать китайский язык только для прочтения этих иероглифов. Но они не поддаются переводу. Приходит мама, я говорю ей, что видимо, это не китайская письменность. Но на всякий случай приглашаю

сходить в университет к китайцу, преподавателю китайского языка. Он внимательно смотрит фотографию, поворачивает ее и говорит: " Разумеется, это письменность. И первый иероглиф – это человек.»

Моя дочь, проснувшись, рассказывает мне этот сон.

Возвратившись домой, я наконец-то делаю фотографии марта 1999 года. Одна фотография сразу выбивается из общего плана. Я вижу, что стою у огромной головы царицы. Другая фотография настораживает. Что-то я уже видела! Знаки! Они появляются уже третий раз. Сравнивая фотографии, замечаю, что это действительно так. Открываю словарь и ищу иероглиф, обозначающий человека. Вот он, похож на перевернутую галочку. А на фотографии точное изображение иероглифа на ледяной скале, расколотой Байкалом пополам! Есть и еще одна фотография. Я вижу на ней иероглиф в другом ракурсе, кроме него вижу пальму, врубелевского Демона, две маски, профиль царицы, женщину со старинной прической, мужчину в цилиндре, три горных козла, корыто, старуху, пытающуюся поймать золотую рыбку, и подходящий корабль. И лягушку. Где- то я уже видела это место, но где? Пальма. Это Адлер.

Водопад. Эту фотографию привез мой сын в прошлом году. Но почему Демон? Почему маски? Снова Интернет, снова книги. Пушкин посвятил свое стихотворение «Демон» Александру Раевскому, старшему сыну Николая Раевского, брату Марии Волконской. Мой сон перед поездкой сы-

на в Сочи, где у кого-то украли иркутский билет на самолет, потом его путешествие и отмена самолета из Новосибирска до Иркутска без объяснений причины? Мой сын привез мне фотографию именно этого места! И опять знак. Я видела его на первой фотографии, где тень Пушкина рядом с тенью девушки? Но что я могу найти на водопаде? Пещеру? Что? Ищу в Интернете информацию о масках Пушкина и нахожу публикации «Железные маски России», «Пророчество». (14)

Могила пяти повешенных (или четвертованных) декабристов до сих пор не найдена! Есть только два человека, которые знают, где она. Это обер-полицмейстер Б. Княжнин и Пушкин. Княжнин оставил описание места, Пушкин – зашифрованные рисунки. Рисунок относят к острову Гонорупуло, куда вывело исследование Анны Ахматовой. Фотографию этого рисунка моя дочь сделала в музее Волконских в Иркутске. На ней я вижу черепаху и указатель Пушкина. Кроме этой фотографии, она принесла мне из музея фотографию дорожного ящика для письменных принадлежностей, фотографию картины о жизни каторжников и стихотворение – завещание Пушкина.

«Я скоро весь умру,
Но тень мою любя,
Храните рукопись,
О други, для себя!
Когда гроза пройдет

Толпою суеверной,
Собирайтесь иногда
Читать мой свиток
верный.
И, долго слушая,
Скажите: «Это он;
Вот речь его.
А я,
Забыв могильный
сон,
Взойду невидимо
И сяду между вами.
И сам заслушаюсь.
И вашими слезами
Упьюсь.
И, может быть,
Утешен буду я любовью»

Если открылась тень поэта, есть и Архив, который откроется народу.

7. Тени

Так куда же упала стрела Байкала? Мы берем карту, соединяем две точки: Байкальск и Северобайкальск прямой линией. Тетива натянута. Но чтобы лук выстрелил, надо ее немного ослабить и подставить стрелу. Она попадает в Бирюльки. Далее самая удобная прямая траектория полета:

Баргузин, Нерчинск, Горный Зерентуй. Что дает нам Баргузин? В Баргузине отбывали поселение Михаил и Вильгельм Кюхельбекеры. Милый Кюхля. Что ты можешь нам сказать?

«Кюхельбекер верил в Пушкина. В этой вере был высший смысл, особое содержание. Пушкин был для Кюхельбекера представителем декабристов на свободе. Кюхля, конечно, не мог не понимать ограниченности этой свободы. Но наверняка он не предполагал, что Николай казнит Пушкина, убьет его пистолетом Дантеса. Известие о смерти Пушкина для Кюхли было подобно выстрелу по нему самому...

Он пишет стихи «Тени Пушкина». Кроме Пушкина, Рылеев был для Кюхли первой тенью из огромного мира теней, счетоводом которого, стоя у входа с грустной своей лирой, долго был Вильгельм. Вот строки из его стихотворения «Тень Рылеева»:

«Блажен и славен
мой удел.
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел.
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле
родимой кровью!
И ты — я знаю — пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам

Разоблачу я в утешенье...
Поверь: не жертвовал
ты снам;
Надеждам будет
исполнение! —
Он рек — и
бестелесою рукой
Раздвинул стены,
растворил затворы,
Воздвиг певец
восторженные взоры
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой!» (20)

Но как может милый Кюхля разоблачить Башилова? Как может Пушкин бестелесою рукой открыть тайну захоронения казненных декабристов? Где спрятан Архив Пушкина?

8. Тайны музея Волконских

Я смотрю на фотографию, сделанную моей дочерью в музее Волконских. Вроде бы обычный рисунок о жизни каторжников в Сибири. Но что-то настораживает в снимке. В шахту, как в могилу, заходят пять декабристов. За столом сидят восемь каторжников. Пять — казненных. Восемь — первые нерчинские каторжане. На плече Марии Волконской пелерина, напоминающая погон генерала царской армии. Вгля-

дываюсь в стену и вижу лицо генерала, которому принадлежит погон. Он смотрит на что-то, пока невидимое мне. Платье Марии напоминает мне шкурки соболей, висящих на одном гвозде. Поворачиваю картинку и вижу то, куда смотрит генерал. Каторжанин отдает свиток в руки юноше. Другой юноша наблюдает. На возвышении стоит дворянин в одежде екатерининских времен. На декабриста накинута петля, он в белой рубахе, одной рукой держит петлю у шеи. Петля не затянута. Вверху перевернутой лавки я вижу, как из мешка палача виднеется лицо солдата царской армии. На его шее – петля, она почти затянута. Лежащий посередине каторжник смотрит на спину одного из сидящих. Переворачиваю фотографию вновь и вижу, что на его спине – расщелина, описанная обер-полицмейстером Княжниным. Крест на могиле в правом углу похож на арбалет на фотографии и показывает на эту же расщелину. На важность расщелины указывает и молния с руки рядом сидящего ссыльного. «Когда я стоял на скале под самым берегом моря, то с этого места видел два пункта выпуклых скал, от которых прямая линия показывает место этого захоронения,» – из показаний Княжнина. (14) Выше сидящих декабристов я вижу второго палача, еще выше – село. Оно до мельчайших подробностей напоминает мне село Байкальское, особенно церковь, которую недавно восстановили. И пейзаж. Горы за домами и обрыв к Байкалу. С левой стороны я вижу карту Байкала. Там, где расположены Слюдянские озера, я вижу два светлых бли-

ка, это два Слюдянских озера, большое и малое. Поворачиваю картинку и вижу адлерский водопад, который ниспадает к ногам лежащего декабриста. На водопаде тот же знак, что и на фотографии с врубелевским Демоном. Вновь переворачиваю и вижу берег, траву, воду и камень, на котором сидит большая птица. Вдалеке горы противоположного берега, по-видимому, острова, так как дальше опять вода. Шапочки дам оттеняют рисунок ключа. Ключа к разгадке. Снова переворачиваю и обращаю внимание на домик, куда смотрят две женщины. На переднем плане топоры. Почему женщины, жены декабристов, пришли поклониться не могиле, а этому домику? Потому что здесь были четвертованы казненные. Почему у домика странные ставни? Почему на стенах растет трава? Есть! Крыса на крыше с правой стороны домика напоминает мне остров Петровский. А домик? Домик – усадьбу братьев Гоноропуло на плане. (14) Здесь было совершено злодейство. А две светящиеся точки указывают на путь казненных, их увозят по Неве в другое, пока неизвестное мне место. Чей рисунок привезла мне дочь? Скорее всего, это рисовали либо сам Пушкин, либо Николай Бестужев. К чьим ногам падает вода с водопада? Вильгельма Кюхельбекера или Александра Бестужева-Марлинского, который погиб на мысе Адлер при высадке десанта в 1837 году?

Позднее на картине я читаю надпись: «Внуку в дар о БА-Ме доска. Тот год 1850». Надпись объединяет двух людей – Сергея Волконского и его жену. На спине женщины, подо-

шедшей к усадьбе Гоноропуло – Пушкин, он внимательно смотрит вслед за женщинами. Доска на другой фотографии. Это тот деревянный ящик для хранения письменных принадлежностей. На нем я отчетливо вижу восемь кружков, подобные есть в описании Архива Пушкина в Таганроге. Подлинник сибирского Архива Пушкина – это и есть какая-то доска с портретом Пушкина и его работами – схемами. Как я раньше этого не заметила?

9. Святые места

Я связана с Адлером особой нитью. Там находится что-то, дающее мне энергию возрождения. Небольшая речка, соединяющая потоки горячей и ледяной воды, посреди скальных участков дороги, ведущей на Красную Поляну, мое родное место, я чувствую это в каждый свой приезд. Но что связывает меня с Баргузином? Может быть, действительно, род моего отца произошел от атаманши Мили, которая пришла в Забайкалье с первыми поселенцами-казаками? Стоило задуматься о родовых корнях, и я получаю маленькую ниточку.

«В забытом сегодня издании 1886 года – «Сибирские города». Материалы для их истории ХУІІ и ХУІІІ столетий», приведена «Переписная книга убылым после 1-й переписи», относящаяся ко времени после 1717-го и до 1760 годов, в которой несколько раз называются фамилии Шелковниковых и Журавлевых, а один раз – Милюшина. Кроме того, в пу-

тевых записях 1736 года известного ученого путешественника С. П. Крашенинникова, Написано: «...Красная речка, от речки Чивуркыйской верстах в 3... Милюшина деревня, на северном берегу Баргузина реки, от Красной речки верстах в 4...Винная речка, от Милюшиной деревни, верстах в 5...Гремячая речка, от Винной верстах в 32...У самого переезду сей речки построена Милюшина мельница... Баргузинский острог..."(21)

Все может быть. Лишняя буква в фамилии моего отца могла появиться с течением времени.

Но мне срочно нужна карта Невы! Где я могу ее взять? Конечно, на Байкале, пока не разнесло лед. Мы едем фотографировать. На обычном месте чудес полыньи далеко, ничего не видно интересного. Но я упорно фотографирую. Ближе к городу открытое место, залитое солнцем. Фотографирую все подряд, делаю даже панорамный снимок. С нетерпением жду фотографий. Есть!

На фотографиях я нахожу массу интересного. Панорама – карта. Два иероглифа указывают на остров- черепаху! Оба знака мне знакомы. Один иероглиф – уже известный мне, человек, другой я видела рядом с первым на фотографии ледяной пещеры. Этот иероглиф в точности повторяет штрихи галочки Пушкина на рисунке из музея Волконских, указывающем место захоронения пяти казненных декабристов. Я уже знаю, что это не остров Гоноропуло, это какое-то другое место. Другая фотография еще более невероятней. Я вижу

камень, на котором лежит оперение царевны-Лебеди. Рядом сбитая птица, стрела пронзила ее. В птице – заяц. Стрела заканчивается вилкой. Странное ощущение, я где-то уже видела эту вилку. Ну конечно, это незатянутая петля декабриста с картинки из музея. Вдали виден лук. Он напоминает арбалет. Но на байкальской карте тоже эта же стрела, заканчивающаяся вилкой! Она показывает на крокодила. Вилкой назвал один из ориентиров могилы декабристов Княжнин. И еще я вижу три льдины, три стрелы. Когда мы ехали в районе Ангои, когда я была в командировке, то на небе очень долго были видны три иглы. Они не были следом самолетов, это были особого рода облака. Водитель тогда сказал мне, что в этом месте многие машины пробивают колеса иглками. И откуда только они берутся здесь на трассе, никому не известно. Но я видела еще где-то три иглы, длинная посередине. Поднимаю предыдущие фотографии и вижу, что ледяной памятник, похожий на памятник Тарасу Шевченко в Харькове, с открытой полостью, показывающий внутри человека с запрокинутой головой, силуэт которого повторяется на фотографии с врубелевскими рисунками Демона и царевны – Лебеди, содержит три четко прочерченные полосы. Камень на фотографии напоминает мой камень, который подарил мне мой муж 25 лет назад, накануне свадьбы. Знаки на камне повторяют знаки на пушкинском рисунке, где зашифровано место захоронения, и знаки на камне фотографии, которую я держала в руках. Где-то я видела эти знаки еще. Про-

сматриваю фотографию за фотографией и нахожу. Лыдины. На этот раз вся картина в стиле работ Николая Рериха. Я вижу мой камень под бюстом Пушкина. Вижу мой камень, если на него смотреть сбоку. Те же знаки. Но и на первой привлечшей внимание фотографии с тенью Пушкина и девушки – тот же камень! Я переворачиваю фотографию и вижу Будду, сидящего неподвижно. Его строгое лицо сияет, он протягивает нить женщине. Она похожа на Елену Ивановну Рерих. За действием внимательно наблюдают Пушкин и человек в маске. В левом углу Николай Рерих в восточной широкой шляпе. Внизу женщина внимательно читает надпись на бетонной плите. В самом углу столбик бетонного парапета. Позади женщины огромная бутылка с зеленой пробкой. В левом углу портрет средневекового художника. Еще раз поворачиваю картину, и перед глазами предстает джин, вылезающий из бутылки. Это кто-то темный. Человек в маске внимательно смотрит в сторону этой фигуры. Рукой темный человек показывает на расщелину из двух скал, подобная нарисована на спине каторжника на картинке из музея. Ниже я вижу каменный остров – черепаху. Рядом с расщелиной из скал маленький беленький домик на острове. Это тот домик, с картинки музея. Его тайна мною разгадана. Над черепахой тоскует Демон. Он наблюдает за происходящим. Парапетный столбик я уже где-то заметила. Ну конечно! Эта фотография с двумя тенями! Станный камень, который дал тени в две противоположные стороны. Хотя вторая тень ве-

роятно от насыпи. Тень от камня – точное повторение столбика. Голова крокодила рядом с бетонным столбиком. Тень от камня в другую сторону создает силуэт рыбы, от плавника которой указан цветок, четыре темных лепестка и белый круг посередине. Разумеется, если из птицы выскочил заяц, то из зайца должна выйти рыба. Рыба, в которой будет яйцо, игла и смерть кашеева. А кто Кощей? Николай I, кто же еще. Мне нужны карты. Карты Санкт-Петербурга. Я ныряю в Интернет и ищу. Прекрасная французская версия. Хорошо. Но, увы. Она загружается только наполовину. Нужного мне места нет. Еще и еще раз. Безрезультатно. Ищу карту дома. В справочнике автомобильных дорог я нахожу то, что мне нужно. Странная картина! Я уже видела где-то этот остров! Поднимаю фотографию Слюдянских озер, вижу знакомое очертание шахматной фигуры – коня, сравниваю с картой и определяю несомненное сходство. Мало того, очертания острова походит на второй иероглиф. Я нашла место! Но оно ли это? Нужна карта. Опять Интернет. На этот раз карты исторические. Загружается без проблем с первого раза. Но что я вижу! Три иглы, в середине длинная... И рыба. Иглы раздваиваются, и их очертание похоже на незатянутую петлю повешенного декабриста на рисунке из музея. Все сходится. Указанное место и есть тот остров, где похоронены декабристы. А где же яйцо? Я кручу камень по карте, он дает разные тени в разных местах карты. Вот я укладываю камень в обрисованном концом иглы месте. Тень камня дает

четкое очертание яйца, в середину которого входит игла.
Направление игл исходит из Кронштадта, почему?

10. Загадка Кронштадта

«Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури, —
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена:
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святыне ваши имена
Далекому потомству – песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений, —
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимую лампадой»
М. Л. Михайлов (34)

«В ночь на 12 июля 1826 года пятеро вожakov декабрь-

ского восстания: Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский были подвергнуты пыткам, четвертованы, а затем обезглавлены. Это подтверждает и расшифрованный нами фрагмент, в котором говорится, что им во время пыток «раны прижигали горячей соломой», «резали члены», «секли головы». Казнь происходила в присутствии обер-полицмейстера Княжнина, ее исполнители – двое палачей.» Затем останки мучеников были погружены палачами и тремя солдатами инженерной команды Петропавловской крепости в бот, который по приказу главного полицейского столицы взял курс на Петровский остров.»(14)

Не совсем все так. Осужденных на смерть декабристов живых вывезли из Петропавловской крепости на Петровский остров, где на острове Гоноропуло они выкопали могилу. Николай решил, что мертвые, они не смогут рассказать о том, что могила эта выкопана не для них. Затем их отвезли в усадьбу братьев Гоноропуло, где четвертовали. Из усадьбы тела погрузили в бот, который проделал путь до островов Вольный и Гребенка. По пути судно зашло в Кронштадт. Княжнин пишет: «Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива, выкопать одну большую яму в прибрежных лесистых кустах и похоронить всех вместе, сравнив с землей, чтобы не было и признака, где они похоронены...» Их вывезли не из Петропавловской крепости, а из Кронштадтской. При-

меты Княжнина – это вилка, расщелина между скалами, церковь на другом берегу. Вилку Княжнина можно найти на любой современной или старинной карте, стоит только посмотреть на очертания островов Вольного и Гребенка. Повешены были два палача и три солдата. Прав А. Бережной – автор публикации «Железные маски России».

Именно так я думала еще в июле.

А в августе вслед за фотографией, где тени на воде высветили лицо Рылеева с тоненькой струйкой крови, стекающей с правой стороны лица от брови вниз по щеке, ко мне пришла публикация в Интернете.

«Об этой казни сохранилось несколько свидетельств – немецкого историка Иоганна Генриха Шницлера, литератора Николая Путяты и начальника кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфа. Но наиболее выразительным является, на мой взгляд, рассказ анонимного очевидца, опубликованный в альманахе Герцена «Полярная Звезда». Приведу этот рассказ с небольшими сокращениями. «Устройство эшафота проводилось заблаговременно в С-Петербургской городской тюрьме... Накануне этого рокового дня С-Петербургский военный генерал-губернатор Кутузов производил опыт над эшафотом в тюрьме, который состоял в том, что бросали мешки с песком весом в восемь пудов на тех самых веревках, на которых должны были быть повешены преступники, одни веревки были толще, другие тоньше. Генерал-губернатор Павел Васильевич

Кутузов, удостоверясь лично в крепости веревок, определил употребить веревки тоньше, чтобы петли скорей затянулись. Конча этот опыт, приказал полицмейстеру Посникову, разобравши по частям эшафот, отправить в разное время от 11 до 12 часов ночи на место казни.

В 12 часов ночи генерал-губернатор, шеф жандармов со своими штабами и прочие власти прибыли в Петропавловскую крепость, куда прибыли и солдаты Павловского гвардейского полка, и сделано было на площади против монетного двора каре из солдат, куда велено было вывезти из казематов, где содержались преступники, всех 120 осужденных кроме пяти приговоренных к смерти... Эти пятеро в то же время ночью были отправлены из крепости под конвоем павловских солдат при полицмейстере Чихачеве, в кронверк на место казни. Эшафот уже строился в кругу солдат, преступники шли в оковах, Каховский шел впереди один, за ним Бестужев — Рюмин под руку с Муравьевым, потом Пестель с Рылеевым под руку и говорили между собою по-французски, но разговора нельзя было слышать. Проходя мимо строящегося эшафота в близком расстоянии, хоть было темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал по-французски: «Это слишком.» Тут же их посадили на траву в близком расстоянии, где они оставались самое короткое время. Так как эшафот не мог быть готов скоро, то их развели в кронверк по разным комнатам, и когда эшафот был готов, то они опять выведены были из комнат

при содействии священника. Полицмейстер Чехачев прочитал сентенцию Верховного суда, которая оканчивалась словами: «..за такие злодеяния повесить!» Тогда Рылеев, обратясь к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: «Господа! Надо отдать последний долг». И с этим они стали все на колени, глядя на небо, крестились. Рылеев один говорил – желал благоденствия России... Потом, вставши, каждый из них прощался со священником, целуя крест и руку его, причем Рылеев твердым голосом сказал священнику: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите дочь». Перекрестясь, взошел на эшафот, за ним последовали прочие, кроме Каховского, который упал на грудь священника, плакал и обнял его так сильно, что его с трудом отняли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.